

Volume 18
№ 4 (65) 2022

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Салиенца, Италия

Ван Чэньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всеазиатской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор **Стивен Гуанпенг Донг** – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований

Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тиаги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор **Герхард Шнайдер** – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

3 **Д.В. Грибанов, А.Н. Митин**

К вопросу о значимости объединяющей идеи в современной российской государственности

19 **Е.В. Охотский**

Государственная идеология – неперемнная составляющая успешной политики и создающего государственного строительства

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

34 **Д.В. Иванов, В.В. Пчелинцева**

Миграционная политика Великобритании после Брексита: международно-правовые аспекты

47 **С.Т. Адамянц**

Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования

55 **А.Н. Кирсанов, У.В. Костылева**

Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

61 **А.У. Назарова**

Формирование общего рынка газа в Евразийском экономическом союзе: задачи, проблемы и перспективы с учетом опыта Европейского союза

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

- Franchesco Adomato** – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. **Stephen Guangpeng Dong** – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavín – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potter Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. **Gerhard Schnyder** – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko

Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**

Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF STATE DEVELOPMENT

- 3 **Dmitry V. Gribanov, Alexander N. Mitin**
On the Importance of the Unifying Idea in Modern Russian Statehood
- 19 **Evgeny V. Okhotsky**
State Ideology is an Essential Component of Successful Policy and Creating State Development

LAW IN THE MODERN WORLD

- 34 **Dmitry V. Ivanov, Valeria V. Pchelintseva**
International Law Aspects of the Post-Brexit Migration Policy of the United Kingdom
- 47 **Syuzanna T. Adamyants**
Juridification of Modern Russian Society and the Limits of Legal Regulation: General Theoretical Aspect of Research
- 55 **Alexey N. Kirsanov, Uliana V. Kostyleva**
Grounds and Conditions of Liability for Damage Caused by the Work of Artificial Intelligence

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 61 **Aziza U. Nazarova**
Formation of a Common Gas Market in the Eurasian Economic Union: Objectives, Problems and Prospects in Consideration of the Experience of the European Union

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.

Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.

The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

Article

К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*Дмитрий Грибанов**

*Александр Митин***

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-3-18

***Введение.** В статье представлен анализ целей и аргументы по объективной необходимости формирования объединяющей идеи в современной российской государственности, совокупности ценностей, формирующих основу государственности, нравственные нормы, не предусматривающие строгих сроков реализации. Обосновывается мысль о том, что объединение в России возможно на основе стратегического планирования, с опорой на духовно-нравственные естественные ценности, которыми еще дорожит человечество, характеризуются препятствия для такой консолидации. Особое внимание фокусируется на слагаемых объединяющей идеи: мировоззрение; мораль и нравственность; ценности; личностные ценности; ценностные ориентации; культура; национальное сознание; правосознание; государство; государственность, государственное устройство. Мировоззренчески насыщенные элементы, что называют идеологемами, подробно представлены в виде обобщающих слов-символов, метафор, обладающих мощной суггестивной силой, взаимосвязанных между собой через образы: Отечество, суверенитет, Русский мир, равные возможности, единая страна – единая судьба, справедливость, солидарное развитие, патриотизм, человечность, милосердие, служение, семья, единство в согласии и др.*

***Материалы и методы.** Теоретико-методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частнонаучные методы познания. В работе активно применялись методы системного, сравнительно-правового анализа, специальные философско-правовые исследовательские инструменты, привлече-*

* **Грибанов Дмитрий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: dvgribanov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7416-1745

** **Митин Александр Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: sov@usla.ru
ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

ние результатов российских и зарубежных исследований по вопросам идеологии, государственности, государственному устройству, проблематике мировоззрения, культурной идентичности.

Результаты исследования. По результатам проведенного анализа было выявлено, что невозможно не замечать объединяющие идеи, амбиции, существующие в разных государствах, которые отражены в кратких девизах, имеющих свойство идеологем. Для сегодняшних амбиций России – ускорить начавшийся кризис всей сложившейся после Великой Отечественной войны системы во главе с США, перестроить её в многополярный мир, привлекая на свою сторону другие государства, сохранив суверенитет и культурное своеобразие народа, укрепляя свою экономику и обороноспособность. В этом случае возникает необходимость переоценки существующих базисных ценностей, рассмотрение их потенциала для благоприятных сценариев развития страны.

Обсуждение и заключение. Обосновывается вывод о том, что объединяющая идея, выражается в сплаве традиционного мировоззрения народа, который меняется много медленнее, чем государственные институты, государственное устройство и государственность, с необходимостью сегодняшнего времени, требованиями момента. Сплав прошлого и настоящего в этом плане есть сильнейшая духовно-нравственная скрепа. В статье предлагается авторское понятие объединяющей идеи России, которая должна опираться на эффективное государственное устройство, на решение задач сбережения народа, его культурной идентичности. В этом случае можно утверждать, что у страны есть государственность.

Введение

Проблема объединяющей идеи в контексте современной российской государственности чрезвычайно актуальна. Во все времена ее поиск был неотделим от эпохи, в которой развивается общество, обуславливался кризисами, вызванными мировоззренческими и цивилизационными вызовами. Но всегда ожидали чего-то, что задевает национальные чувства, помогает идентифицировать себя с государством и обществом, его историей, дает перспективу жизни в будущем, надеялись на сохранение веками закреплённых ценностей. Формулирование объединяющей идеи в системе государственности зависит от состояния общества, его сплоченности или раскола. И она не может быть сегодня в форме триады, которую в свое время предложил граф Сергей Семенович Уваров «Православие, Самодержавие, Народность». Хотя тогда она содержала тезис единой нации, помогала государству состояться и продолжать развитие.

Термин «объединение» имеет множество синонимов: уплотнение, слияние, интеграция, соединение, сплочение, спайка, содружество, ассоциация, партия, отряд, союз, блок, братство, общество, сообще-

ство, организация; федерация, коалиция и др. Значение же слов «национальный», «национальная» всегда относится к нации, к народу, к отдельно взятому обществу, национальности, национальному вопросу, национальному движению, национальному равноправию.

В объединяющей идее всегда присутствует общий для всех участников интерес, выраженный определенным набором целей, как правило, без идеологического наполнения. Любая социальная группа становится связующим звеном между отдельным человеком и обществом в целом. В свое время идея объединения русского народа под властью единого государства исходила из интересов населения юго-западных русских земель. Национальной идеи тогда не было предложено.

Для национальной идеи характерно присутствие совокупности идеологических ценностей, положенных в основу государственности, нравственные нормы, не предусматривающие строгих сроков реализации. Но одновременно остается и ее целевое предназначение - консолидация усилий всех граждан государства для его сохранения и развития. При любой форме объединяющего характера среди социальных групп в обществе, они могут видоизменяться

ся, корректировать свои интересы, но они всегда останутся теми или иными социальными группами в любом государстве. Народ и государство перестают существовать, когда людям, их составляющим, национальная идея кажется обманчивой или устаревшей, а сами они перестают ощущать себя наследниками своих традиций.

Мы не ставим целью предлагать общенациональную идею. Едва ли не каждый политический или общественный деятель публично высказывал свое мнение на этот счет. Наша задача намного проще – сформулировать по результатам аналитических сравнений некоторые научные взгляды относительно того, как может происходить объединение в России на основе стратегического планирования, на базе духовно-нравственных естественных ценностей, которыми еще дорожит человечество, что мешает сегодня такой консолидации.

Научное исследование по обозначенной проблематике было бы неполным без рассмотрения существующих проблем, относящихся к мировоззрению, культурному наследию, национальному сознанию, правосознанию, государственному устройству, государственности. То же мировоззрение, как необходимая составляющая человеческого познания и развития подвержено историческим переменам, активно отражая, преломляя большие и малые, явные и скрытые процессы общественных изменений. В реальной жизни мировоззрение каждой эпохи формирует индивидуальные и групповые интересы, множество вариантов их реализации, а наличие объединяющей идеи способствует удовлетворению этих интересов. В национальном сознании находит отражение этническая жизнь общества. Правосознание сориентировано на идеал правовой системы. Государственное устройство, как внутренняя национально-территориальная организация государственной власти, деление территории государства на составные части, позволяет оценить их правовое положение. Развитию государственности способствует конституционное регулирование.

В этой связи мы можем утверждать, что любая объединяющая идея может рассматриваться как своеобразная ментальная конструкция, или желаемое будущее состояние объекта, отличное от настоящего, в котором эта идея выдвигается. Такая конструкция могла бы содержать определенное количество мировоззренчески насыщенных элементов в виде обобщающих слов-символов, метафор, обладающих мощной

суггестивной силой, взаимосвязанных между собой через образы. Это то, что называют идеологемами. Они всегда маркированы, то есть эмоционально окрашены, легко запоминаются, создают образ для восприятия. К ним мы относим слова-символы: отечество, суверенитет, русский мир, равные возможности, единая страна – единая судьба, справедливость, солидарное развитие, патриотизм, человечность, милосердие, служение, семья, единство в согласии и др.

В каждом народе идеологемы связаны с ментальностью. По мнению Т.В. Романовой, «ментальность есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных (постоянно меняющихся) экономических и политических условий и основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях, проявляемых в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества – и все это на основе общности языка и воспитания» [1. С. 5-6]. Опасность трансформации ментальности можно обнаружить, например, при потере культурной идентичности и традиционных ценностей.

Так что идеологемы весьма важны для анализа роли объединяющей идеи как ценностно мотивированные знаковые образования. Во многом они могут быть формой ее воплощения, появления и реализации новой ценности, концептуальной сущности, служащей основой для выражения той же национальной идеи.

Любая идея государственного масштаба вызревает с участием лидеров, ученых и элит, которые в системах государственного управления обладают для этого необходимой информацией, а сама она должна отвечать жизненно необходимым потребностям и запросам общества. В противном случае идея «зависнет», останется лозунгом, популистским призывом. Особенно важно это сейчас, когда вернулся страх перед войной, санкционное вмешательство закрепляется на многие годы, сокращая поле цивилизационного, политического, экономического, культурного дискурса.

На международном уровне Россия предлагает идеи сохранения мира, укрепления суверенитета, отказ от неправового наднационального контроля, свободу выбора моделей развития, противодействуя любому гегемонизму: идейному, ценностному, информационному, экономическому, политическому, во взаимодействии с гармонично дополняющими друг друга торгово-эконо-

мическими отношениями. Для восприятия и реализации этих идей, к сожалению, пока не созданы необходимые условия. Но их важно продвигать и развивать в обсуждениях внутри России и за рубежом.

В свое время отечественный исследователь Питирим Сорокин анализировал варианты устройства общества и предлагал рассматривать идею интегрального мирохозяйственного строя при соединении лучших, с точки зрения обеспечения развития производительных сил, качеств социализма, капитализма и патриотизма в анализируемом социально-экономическом устройстве, что поддерживали и сторонники теории конвергенции [2. С. 38-41]. Известный экономист, профессор С. Глазьев, предлагает к ней вернуться с некоторыми изменениями, аргументируя тем, что «от нынешнего уклада, характеризующегося идеологией либеральной глобализации в интересах крупного капитала, доминированием американоцентричных транснациональных корпораций, предлагаемый мирохозяйственный уклад отличается следованием принципам взаимной заинтересованности, добровольности и выгоды международного сотрудничества, с уважением национальных интересов и признанием суверенных прав государств на любые ограничения внешнеэкономической деятельности. Не взламывание границ, санкции и уничтожение государственных институтов ради свободного движения капиталов, товаров, услуг и людей, а сочетание национальных интересов сотрудничающих стран на основе совместных взаимовыгодных инвестиций, с опорой на поддержку государственных институтов развития». Он же замечает, что, «заблудившись в сетях собственных иллюзий после краха СССР и распада построенной им мировой системы социализма, наши обществоведы, вслед за западными коллегами, стали оперировать невнятными и познавательными беспомощными понятиями «постиндустриальное общество», «постмодерн», «постхристианство», «посткоммунизм» и даже «постгуманизм», отказавшись от диалектической логики, не сумев предложить сколько-нибудь понятную теоретическую идею социально-экономического развития страны» [3. С. 28-31].

При формулировании объединяющей идеи для России важно учитывать несколько слагаемых: мировоззрение; мораль и нравственность; ценности; личностные ценности; ценностные ориентации; культура; национальное сознание; правосознание;

государство; государственность, государственное устройство.

Мировоззрение как необходимая составляющая человеческого познания и развития подвержено историческим переменам. Оно активно отражает, преломляет большие и малые, явные и скрытые процессы общественных изменений. В реальной жизни мировоззрение каждой эпохи формирует индивидуальные и групповые интересы и множество вариантов их реализации. Мировоззрение остается интегральным научным концептом, многоуровневой концентрацией обобщенных научных и профессиональных знаний, формирующим общественное сознание.

Мораль исторически первична в процессе социализации человека. Она проникает в его внутренний мир, и для ее функционирования вполне достаточно собственной власти человека над собой. Ее сущность – в осознании необходимости предлагаемого поведения, которое соответствовала бы определенным общественным установлениям, с опорой на личные убеждения и общественное мнение. В этом случае мораль одновременно выступает как особая форма нормативно-оценочной, ценностной ориентированности людей в обществе и как форма общественной воли. Это, с одной стороны, относится к чувству долга, совести, чести, а с другой – к согласованию свободы и воли человека с потребностями интересами, с волей и интересами других общностей. Как итог – регуляция поведения и сознания людей во всех сферах жизни, в зависимости от типа общества. Особое место в системе моральных ценностей занимает совесть, «как способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному – неисполненность долга» [4. С. 585]. Если мораль – это совокупность норм и требований, устанавливаемых обществом для индивидов, то нравственность – это совокупность этических требований, которые индивид предъявляет к себе сам. Главным регулятивом нравственности выступает совесть, которая «выражает ответственность человека перед самим собой как субъектом высших и общезначимых (а также абсолютных и универсальных) ценностей» [5. С. 265]. Например, в свое время Аристотель говорил о различии распущенного и добродетельного человека. Распущенный сделал и считает, что так и надо, а добродетельный, даже если совершил порочный поступок, потом совестливо раскаивается и старается его исправить.

До последнего времени российское общество перестраивалось, прежде всего, по западным моделям государственного устройства, в стремлении встроиться в «цивилизованный западный мир» глобализма с провозглашаемыми потребностями в обогащении. Однако многие моральные регуляторы культурно-национальных особенностей России как самостоятельной и уникальной цивилизации не выдвигались в информационном и правовом пространстве, в повседневной жизни, на первые роли. Как результат - умаление исторической памяти в процессе формирования патриотического сознания, сбой в проникновении гуманистической морали во внутренний мир человека. Но русских на Западе так и не стали уважать, более того даже больше возненавидели. А между тем, в обезличенном предлагаемом мировом порядке, по утверждению академика РАЕН В.К. Батурина, России уготована в лучшем случае роль колонии, сырьевого придатка, роль вассала, не более того [6. С. 212.]. Говоря о важнейшей национальной задаче сохранения и развития страны, он приводит слова отечественного философа А.А. Зиновьева: «Хочу, чтобы народ, к которому я принадлежу, выжил в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях. И необходимое условие для этого - объективно-беспощадное понимание насущной реальности» [7]. Сегодня это повсеместные попытки оболгать, унижить страну, уничтожить ее государственность, раздробив её на мелкие квазигосударства. Мы убеждены в том, что рост морального самосознания, духовной культуры, потрясения, вызванные специальной военной операцией, приводят к возрастанию роли морального фактора, духовных ценностей, а потому необходимость объединяющей идеи для российского государства очевидна.

Известно, что на мировоззренческом уровне осмысливается также весь уклад человеческой жизни, выражаются определенные системы ценностей, особенно личностных, выстраиваются образы прошлого и проекты будущего развития, получают одобрение (осуждение) те или иные способы жизни, поведения. В него включены два фундаментальных основания, две опоры: знания и ценности. Они во многом полярны, даже противоположны по своей сути. Познание предопределяет стремление к истине, объективному постижению реального мира. Ценности как идеальные

блага воплощают особое отношение людей ко всему происходящему в соответствии с их целями, потребностями, тем или иным пониманием смысла жизни в изменяющихся условиях.

Н.И. Лапин считает, что ценности суть не вспомогательная пристройка к экономике и политике, а обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества [8. С. 3]. В исследованиях выделяют несколько форм существования ценности. Во-первых, ценности выступают как общественные идеалы. Это общечеловеческие, «смысложизненные», «вечные» ценности (красота, справедливость, истина), а также ценности конкретно-исторические (демократия, равенство). В ценностном измерении жизни остаются ранее закрепившиеся или формируются новые материальные и нематериальные, нравственные, эстетические идеалы. Во-вторых, ценности предстают в объективированной форме в виде произведений материальной, духовной культуры либо человеческих поступков, в которых предметно воплощаются общественные ценностные идеалы (этические, эстетические, правовые, экономические, политические и др.). В-третьих, социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру деятельности человека в форме его личностных ценностей. Они служат связующим звеном между культурой общества и духовным миром личности. Личностные ценности высоко осознаны, отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций (англ. value orientations - предпочтения и стремления личности или группы), которые в свою очередь служат важным фактором социальной регуляции взаимоотношений людей и поведения индивида [9. С. 145-146].

Ценности в российском обществе за три десятилетия изменились. Мы стали больше ценить свободу, но всё ещё не научились ей пользоваться. Советский Союз воспитывал в людях патриотизм и честность, которые через десятилетия «дружбы с либерализмом» постепенно «монетизировались». На первые места выдвигается индивидуализм вместо коллективизма, конкуренция вместо солидарности, прагматизм вытесняет альтруизм, а культ денег замещает нестяжательство. Люди старшего поколения куда более законопослушны и системны, чем

взращенные нигилизмом 90-х, когда главной ценностью стала сила.

Последнее время в Европе большую популярность приобрел подход израильского психолога Ш. Шварца. Он выделил десять базовых ценностей, под которыми подразумевал «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. В основе опросника лежит теория, согласно которой все ценности делятся как на социальные, так и на индивидуальные. В рамках Европейского социального исследования - крупного международного проекта - на протяжении уже 20 лет каждые два года проходит опрос о приверженности ценностям граждан европейских стран. Благодаря этой базе данных можно обнаружить оценки о схожести России, ее ценностных различиях с другими европейскими странами. Участие в этом проекте принимает Институт социологии ФНИСЦ РАН. Социологи отмечают, что мы все же менее привержены европейским ценностям. Хотя замечено, что человек стал двигаться в своем ценностном мире в сторону своих собственных интересов, к индивидуализму (заботы о себе, о своей семье, о ближних), но у него есть готовность самому активно действовать. Происходит такая автономизация, индивидуализация, приватизация общества. Частная жизнь вступает в конфликт с моделью «государственного человека».

В контексте открытости к изменениям, самостоятельности, смелости, активности, сохранения status quo, осторожности и подчинения, россияне ближе к тому, где больше ценится сохранение текущего положения, подчинение авторитетам, ориентация на безопасность и защиту со стороны государства. За этим стоит и готовность к сохранению традиций, почвенных ценностей, к более консервативному подходу. Вместе с тем люди ищут защиты, не меняя места своего проживания, прежде всего, со стороны сильного государства [10. С. 10-11].

По нашему мнению, оценка не только отечественных, но и зарубежных ценностей необходимы, что позволяет многие современные явления увидеть более зримо. Системы ценностей каждого народа, общества, государства имеют своеобразный встроенный национальный интеллект, свою специфику, обусловленную так называемой разностью менталитетов. Но они же могут быть и достаточно устойчивы.

Например, несмотря на тяжелые условия проживания на чужбине, после собы-

тий 1917 года, русская эмиграция сохранила свои культурные ценности, оказала влияние на культуру стран проживания и дала жизнь такому понятию как «зарубежная Русь». Исследуя в своих произведениях историю русской души и различия в объединяющих идеях между русскими и жителями Европы, немецкий философ В. Шубарт отмечал: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России состояла в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе. А потому только Россия, даже с помощью немногочисленной эмиграции, способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род. Три миллиона человек с Востока, принадлежащих большей частью к духовно ведущему слою, влились в европейские народы и возвестили им культуру, которая до того времени была Западу почти неизвестна и недоступна» [11. С. 59-76]. Сегодня в условиях нагнетания русофобии культуру там отвергают и запрещают, что практически сделать невозможно.

Проведя анализ многочисленных наблюдений В. Шубарта, мы можем констатировать, что разность ценностей между западным и русским человеком действительно была велика. У европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти; у русских богатый зачастую смотрит на бедного со стыдом. У западного человека сердце радостно бьется, когда он обзорекает свое имущество, а русский человек при этом чувствует порой угрызения совести, в нем живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владеть значит быть в плену того, чем владеешь, что в богатстве чахнет свобода души, а таинство этой свободы и есть самая дорогая святыня. Европейец ищет порядка в себе - в виде самодисциплины, господства рассудка над влечениями; он ищет его и вокруг себя - в государственном устройстве, в виде господства авторитета над гражданами. После Эммануила Канта для Европы внедрена тотальность нормирования, коллективное настроение постоянных потребительских забот, поразительная нормобоязнь. Русский ищет противоположного. Душою он склонен плыть по течению, до инертности, а в государственном отношении действовать - вплоть до несоблюдения норм. Ему не хватает правосознания. Русский недооценивает нравственную ценность государства, а европейец переоценивает, превращая его

в идола. Русский не испытывает угрозы изначального страха, свойственного европейцу, сформированному с бдительным сознанием, а потому русская жизнь более одухотворена, естественна и менее скованна. У европейцев – целевое мышление с необходимостью по приказу выполнить задачи, даже не вполне отвечающие их склонностям, а у русских мышление – выразительное. Для них ценность выражения важнее ценности познания.

Действительно, и до настоящего времени экономическое благосостояние является для любого европейца условием, основой, а часто и целью жизни. А вот русскому, по выражению Льва Толстого в романе «Война и мир», «присуще чувство, что и богатство, и власть, и жизнь, все, что с таким старанием устраивают и берегут люди, - все это, ежели, и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить»¹ [12. С. 313].

Все это формирует ценностные ориентации людей, их мировоззренческие «дорожные карты». Здесь мы солидарны с метким выражением российского академика В.С. Степина о том, что мировоззренческие концепты и категории («человек», «личность», «власть», «традиции и новации», «справедливость», «свобода», «добро и зло», «вера», «надежда», «любовь») выступают в качестве мировоззренческих универсалий и предстают как фундаментальные жизненные ориентиры человеческой деятельности, а в жизни общества функционируют аналогично генам в биологических организмах, образуя геном социальной жизни [13. С 8-17].

Вместе с тем, мировоззрение, в интеграции с ценностным сознанием – это еще и сложное взаимодействие интеллектуальных и эмоциональных компонентов, мироощущения и миропонимания. Разум и чувства входят в ткань мировоззрения не обособленно, а во взаимодействии с волей. Мировоззренческие идеи, возникающие в процессе научного, художественного, политического, управленческого и другого творчества, в определенной степени воздействуют и на философское мышление.

Культурное наследие можно считать стратегическим фактором объединения Российской Федерации. «Велесова книга» в исследованиях В.М. Соловьева содержит такие слова: «Мы – русы, и помним о славных де-

лах наших и песни поем отцов наших. Не забудем никогда то, что мы сыны отцов наших и да имеем любовь к памяти их, и скажем о них, что они были силой нашей, а сила к нам идет от них, которые молятся о нас» [14]. Культура (лат. cultura – возделывание, обработка, воспитание) как практика, как действие, как ассиметричная структура власти, как социальный контроль и возвышение роли знаний, как «пусковой механизм» качества, как целостность – отражение общей национальной культуры. В России много национальных культур, что способствует формированию единой нации, самого Русского мира, а без этого нет перспектив дальнейшего развития и самого государства. По существу, это основа создания национальной идентичности на идеалах, ценностях, героических примерах. Объединяющей идеей такого общества остается сохранение многонациональной нации для стабильного развития страны. Когда речь идет об осуществлении этих востребованных обществом целей в области культуры, появляется понятие культурной политики. Именно государство должно помочь сформировать в экстремальных условиях новые механизмы ее реализации. Их освоение имеет особое значение и требует разработки соответствующего применения комплекса правовых, организационных, финансовых, экспертных методов, не оставаясь на уровне деклараций. Тогда, в нашем понимании, феномен консолидации вокруг объединяющей идеи понимается как степень общности культурных, ценностных, духовно-нравственных и социально-политических ориентаций различных социокультурных, профессиональных, образовательных групп в обществе, всего населения, которая необходима, достаточна, перспективна, ресурсно обеспечена при суверенитете государства, безопасности существования и функционирования его как субъекта исторического процесса.

Анализ ценностей позволяет оценить, как общество, отдающее предпочтение одной системе ценностей и отвергающее другое, формирует объединяющую идею, определяет дальнейший путь развития, основанный на ценностной ориентации, национальном сознании. Здесь можно вести речь о национальном сознании. С одной стороны, национальное сознание определяется как сложная совокупность социальных, поли-

¹ Это чувство у Толстого испытывает Пьер Безухов.

тических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации. С другой – как переживание идентичности индивида по отношению к этническому коллективу. Вместе с тем, оно остается и продуктом длительного исторического развития нации как народа. Последнее является особенно важным.

К примеру, в Германии нация всегда понималась как культурное единство, задаваемое родным языком, ландшафтом, историей, произведениями искусства. Италия и Франция ценят нацию выше государства, понимая ее как ассоциацию свободных людей [15. С. 25-26]. Для России это два уровня идентичности - гражданская нация и этнонация, что характерно и для таких стран как Великобритания, Индонезия, Испания, Канада, Мексика, Нигерия, Пакистан и пр. Все государства мира считают себя национальными государствами. Повсюду утверждается представление о нации независимо от расового, этнического и религиозного состава населения. Нация – это не просто результат этнокультурной унификации и «длительного исторического формирования», а итог целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как нации, об общих ценностях, символах, устремлениях [16. С. 1-8]. Если говорить об идентичности американцев, как национальности, то она определяется гражданством. У всех наций есть внутренняя потребность в самосохранении, но вместе с тем присутствуют и свои амбиции.

Германец, по О. Шпенглеру, индивидуалист, соединяющий свободу и обязанности по отношению и государству. Субъектом свободы выступает отдельный индивид (семья, сословия, нация) [17. С. 72]. Немцы были за мировой порядок, приняли свое участие в его установлении. Франция провозглашала образование человечества на основах свободы и равенства. По мнению Б.В. Маркова, Англия, как родина дарвинизма, всегда претендовала на мировое господство, исходя из тезиса о превосходстве белой расы [18. С. 41]. Для Америки главным геополитическим призом является Евразия, в которую включена и Россия. Ее глобальное превосходство напрямую зависит от того, как долго и насколько эффективно оно будет поддерживаться на Евразийском континенте. По мнению В.В. Путина, на которое ссылается американский исследователь М. Уитни, цель За-

пада и США - ослабить, разобщить и уничтожить в конечном итоге нашу страну. Они прямо говорят о том, что в 1991 году смогли расколоть Советский Союз, а сейчас пришло время и самой России, которая должна распаться на множество смертельно враждующих между собой регионов и областей [19]. Здесь следует заметить, что враждебность Вашингтона по отношению к России имеет долгую историю, восходящую к 1918 году, когда В. Вильсон направил более 7000 военнослужащих в Сибирь в рамках усилий союзников по свержению завоеваний революции.

Сегодняшние амбиции России - ускорить начавшийся кризис всей сложившейся после Великой Отечественной войны системы во главе с США, переформатировать её в многополярный мир, привлекая на свою сторону другие государства, сохранив суверенитет и культурное своеобразие народа, укрепляя свою экономику и обороноспособность. В этом случае возникает необходимость переоценки существующих базисных ценностей России, определение точек роста новых ценностей, рассмотрение благоприятных сценариев их развития. И это уже не просто теоретическая задача, а практическая потребность, что могут послужить основой для развития страны.

Правосознание, как отношение людей к действующему праву, отраженное в знаниях, представлениях, культурных традициях и поведении, где во главе угла поставлены права и обязанности, остается важнейшим элементом для конструирования объединяющей идеи в государстве. Исследователи предлагают рассматривать правосознание в трех аспектах: положительное отношение к праву; совокупность правовых переживаний; устойчивые правовые взгляды, которые не включают психологический аспект [20. С. 5]. В современной теории права предлагается, что правовая действительность отражается в правосознании в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву, практике его реализации в форме социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. Правосознание всегда политически значимо и нравственно ориентированно. Вместе с тем в условиях неопределенности, возникновения критических ситуаций в обществе, оно может претерпевать деформации. Это правовой инфантилизм, как защитная психологическая реакция на закон и право, заключающаяся в существовании пробелов

в правовых знаниях, расплывчатости в понимании категорий права, а также правовой нигилизм, проявляющийся в сознательном игнорировании требований закона, отрицании значимости права, законов.

Наиболее опасной деформацией правосознания является его перерождение - правовой цинизм, когда происходит замена этики, морали и права так называемой «ситуативной этикой» [22. С. 86-87], с поиском индивидом личной выгоды. В контексте обсуждения объединяющей идеи для России, по нашему мнению, деформация правосознания наблюдается в деятельности государственных служащих, часть из которых заинтересована в получении незаконной административной ренты для личного обогащения путем обмана, подкупа, фальсификаций, порочащих их самих, так и государство, которому они призваны служить. В условиях чрезвычайных ситуаций, временных трудностей для страны, это можно сравнить с пожаром в доме, когда сосед пытается схватить все ценное из чужой квартиры для личного обогащения. Для общества это признак недоверия к власти, угроза потери государственности. В свое время об этом писал великий русский мыслитель И.А. Ильин, связывая, с одной стороны, утрату доверия народа к своему правительству с нарастанием в обществе кризиса правосознания, а с другой, - понимая кризис, болезнь общественного правосознания, прежде всего как утрату государственной властью своего авторитета среди населения. В другом месте своей книги «О сущности правосознания», автор отмечает: «Есть необходимый минимум взаимного - общественного и политического - доверия: вне его государство не может существовать; есть крайний максимум отсутствия доверия, за которым государство начинает заживо разлагаться» [22. С. 513-514]. Так что в большей степени кризисные события в любой стране имеют преимущественно не экономический, а духовно-нравственный характер с признаками деформации правосознания.

Для сохранения и развития государства важна ясно сформулированная объединяющая идея, позволяющая конкретному народу, нации, государству понимать смысл своего бытия как определенной исторической общности. Учения и теории, содержавшие всем известные экономические, политические и религиозные идеи двух последних столетий, известны всем: социализм и капитализм, фашизм и сионизм, либерализм и анархизм, троцкизм и маоизм, неонацизм

и глобализм и др. Все они имеют цель - заставить человека поверить и впитать в себя некоторые тиражируемые ценностные установки и с фанатической верой следовать им. Чаще всего они появляются с конкретным человеком - двигателем тех или иных идей, а затем уходят из жизни вместе с ним.

В сегодняшнем глобализирующемся мире происходит стремительный ребрендинг подобных идей: поменяли ненавистное слово «капитализм» на более благозвучное «рыночная экономика», идею мировой революции, точнее, покорения мира, одной универсальной идеологией, заменили глобализацию гегемонией одной страны. Образно говоря, вещает только один солист. У остальных кляп во рту. Но ничего не меняется в главном замысле: при доминировании той или иной идеи, на самом деле ведется борьба за ресурсы и власть. А сама борьба за идеи оказывается всего лишь поводом к развязыванию полномасштабных информационных войн и военных действий. Чтобы выжить, объединяются все, кто относится к власти, у кого есть ресурсы, даже при потере своего суверенитета, но, не учитывая нужды и потребности народа. Одно из последних событий связано с заявлением 13 декабря 2022 г. депутата Бундестага с 2017 до 2021 г. партии «Альтернатива для Германии» В. Гердта. Он заявил, что США взяли ЕС в заложники, загнала все наши предприятия под банкротство и нагло провоцирует переселение бизнеса на свою территорию. Европейские политики смотрят на Вашингтон «взглядом болонки». Хотя, в природе, чаще всего можно заметить другие, положительные примеры. При наводнении муравьи по одному тонут, а вместе они сцепляются, образуя плот, и вот так на волнах плывут до ближайшей земли и выживают. Уместен и другой пример: когда китайской армии нужна переправа через неглубокую реку, то женщины встают в воду и держат на своих плечах деревянный мост для прохождения солдат. Это можно рассматривать как патриотизм или идею, позволяющую чувствовать себя в единстве с народом.

В свое время великий Платон сказал, что идеи правят миром. Идеи, как создание разума и мысли. Выдающийся русский исследователь прошлого века по искусству войны, Г.А. Леер, перефразируя его, писал: «Идея управляет миром»; «...всегда и везде — мысль впереди дела»; «...само дело родится из мысли, служа живым воплощением последней»; «без руководящей, направляющей идеи все наши действия будут представ-

лять собой ряд неосмысленных, бесцельных и бессвязных шагов» [23. С. 54]. Эта мысль подтверждается и в публикациях А. Свечина, изучавшего теорию и стратегию войны, где он утверждает, что идейная слепота представляет непререкаемую прерогативу режима, идущего к гибели [См., например: 24]. К этим публикациям редко обращаются современные исследователи, за исключением военных. Хотя следует заметить, что забытые тексты содержат весьма обоснованные выводы о необходимости объединяющих идей в обществе и причинах многочисленных войн.

Возможно ли на этих примерах формулирование объединяющей идеи для государства в принципе, чтобы она реально работала на будущее, отражала в себе уровень счастья, удовлетворенности жизнью и творческой реализации человека, его информационную и другую безопасность? Этот непростой вопрос провоцирует необходимость подготовки комплексного ответа, который, несомненно, может быть изложен, в том числе и с участием ученых. В этом плане А. Дугин уверенно утверждает, что либеральная идеология - это контекст нашего существования и в России. Пока мы считаем Россию «европейской страной» и разделяем в целом основные западные ценности - капитализм, рынок, гражданское общество, права человека, либеральную демократию, секуляризм и т.д., мы находимся внутри идейного поля либерализма. Коль скоро мы имеем дело с Западом и в целом принимаем его рецепты и рекомендации, пользуемся его технологиями, стандартами и стратегиями, поиск собственной идеологии просто невозможен. Идеология либерализма находится не только во вне российского общества, но внутри него. Она проникает к нам и как ценностная система, и как технологии, и как экономический уклад, и как политические институты, и как культурные образцы. Поэтому, когда мы рассуждаем в концепциях: «технологическое развитие», «искусственный интеллект», «цифровизация», «рынок», «капитализм», «социальные инновации», «гражданское общество», «права человека», «модернизация», мы впитываем и, безусловно, принимаем идеи, технологии, образ жизни, пронизанные либеральной идеологией. Если у России будет объединяющая государственная идея, то она должна быть не просто антилиберальной, но антилиберальной, и более того - антикапиталистической [25. С. 49-57]. Государству надо быть к этому готовым. Западные страны и США удовлетворены тем, что в России идеология отсутствует, делают

все возможное, чтобы этот механизм для стабилизации общества не был восстановлен.

В этой связи невозможно не замечать объединяющие идеи, существующие в других государствах, которые отражены в кратких девизах, имеющих свойство идеологем. Девиз Великой французской революции - «Свобода, равенство, братство». «На Кубе - «Родина или смерть!». Бразилия - «Порядок и прогресс». Индия - «Только правда торжествует!» В Германии - «Единство, закон, свобода». В США - «Боже, благослови Америку!». В Великобритании - «Бог и мое право». Китай - «Социализм с китайской спецификой». В Южной Корее - «Все для блага народа». Беларусь - «Жыве Беларусь!» Бельгия - «Единство дает силу». Япония - «Одна нация - одно сердце». Европейский союз - «Единство в многообразии». В СССР национальную идею никогда официально не формулировали, но такие лозунги, девизы как «Человек человеку друг товарищ и брат», «Все для человека, все во имя (для блага) человека», «Вперед, к светлому будущему!», «Вперед к победе коммунизма» отражали и наличие, и содержание целей развития государства. При всем многообразии девизов объединяющей направленности, идеологемы в России не могут не содержать тезис о соблюдении законности во всех сферах, особенно при осуществлении государственной власти, а закон как нравственная (философская) категория претендует стать платформой для этого.

Объединяющая идея важна и необходима для государства. В юриспруденции существует много подходов к определению государства, а потому в разных источниках можно найти различное толкование этого понятия. Связано это с тем, что слову «государство» в зависимости от контекста придают неодинаковый, а порой и противоречивый смысл. Мы будем понимать, что государство - это организация управления обществом, обеспечивающая развитие народа, без потери его культурной идентичности, под воздействием внешних факторов. Классические признаки государства: территория, власть, суверенитет, неразрывная связь с правом. Еще государство предлагают понимать как институт управления в пределах установленных границ, обеспечивающий выживание и развитие народа, защищающий его культурную идентичность.

В любом государстве существует механизм для стабилизации народа, общества, внутреннего сплочения и управления. Помимо религии он называется наднациональ-

ная идеологическая надстройка или идеология в связке с социальной инженерией. Первая отождествляет гражданина со своей страной, предлагает путь развития, вторая - совокупность подходов, ориентированных на изменение поведения и установок людей, разрешение или увеличение социальных проблем.

Между тем социальная инженерия может задействовать и деструктивные технологии, которые игнорируют в своем применении культурные особенности объекта воздействия, стремятся поработить его волю, исказить систему восприятия государства и мотивации. Конечной целью таких деструктивных технологий является создание человека «нового типа», не имеющего собственного суждения, с деформированной психикой (элиминация сущностного качества человека как мыслящего субъекта). Это своеобразная «добрая бомба»: она не лишает человека жизни, но вытесняет его волю и смысл, замещая их чуждыми суждениями, влияет на освобождение индивидуума от всех форм коллективной идентичности.

Формулирование объединяющей идеи нерасторжимо с государственным устройством. По мнению профессора В.Е. Чиркина, «термин «государственное устройство» употребляется в немногих конституциях (например, раздел 3 основного закона Бразилии 1988 г.) В юридической литературе этот термин имеет узкое значение, его нельзя отождествлять с более широкими понятиями: «государственный строй», «устройство государства», «структура государства». Государственное устройство – это политико-территориальная организация государства, соотношение государства как целого с его составными частями (штатами, провинциями, автономными единицами и т.д.)» [26. С. 15]. Характер взаимоотношений государства и его составных частей определяет основные формы государственного устройства: унитарную и федеративную.

Анализ немногих публикаций по этой проблематике, позволяет нам согласиться с мнением А.А. Югова, что государственное устройство России следует рассматривать как целостную систему. Следовательно, при разработке объединяющей идеи одинаково важны ее сущность, содержание и форма. Содержание составляет гражданство, политический режим, форма правления, правовая система, государственный суверенитет, компетенции государства, органы государства и государственная территория. Форма имеет три вида: федерация, унитарное го-

сударство и автономия [27. С. 106]. При необходимости они могут претерпеть небольшие изменения, но не в ущерб динамичному развитию страны.

В исследованиях В.Н. Ремарчука [28. С. 5-6] замечено, что деструктивные технологии имеют своей целью разрушение важнейших компонентов государственности, связей их скрепляющих. К таковым относятся: традиции, религиозные нормы, единые этнокультурные идентификаторы, интеграторы региональных отношений, наука, образование. Именно эти элементы создают цивилизационный облик государства, который нерасторжим с государственностью, которая есть сущность, качество государства.

Доцент УрГЮУ Е.А. Белканов [29. С. 97-100] анализирует вопросы государственности, оценивая наличие нескольких подходов в российском правоведении, помимо зарубежных исследователей (Дж. П. Неттл, С. Бартолини, Дж. Линц, А. А. Степан). Автор ссылается на публикацию профессора Ф.М. Раянова, который считает, что государственность следует рассматривать как осознанный процесс реализации государством как организацией политической власти определенного общества, своих функций. Государственность вообще складывается из практической деятельности государственных структур, институтов и государства [30. С. 115]. В других исследованиях Е.А. Белканов находит суждения о том, что государственность можно рассматривать как свойство политического развития данного народа, имея в своей структуре несколько важных элементов. Можно утверждать, что проблематика государственности исключительно сложна, но исследования продолжаются, а потому есть надежда на появление новых публикаций исследователей.

Отсюда можно сделать несколько выводов: государство остается проявлением, формой государственности; государственность являет собой меняющуюся субкультуру управления делами на местах и в масштабе общества в целом на профессиональной основе; основным индикатором качества для государственности остается критерий ее устойчивости, а для государственной власти, осознание порога ее возможных и необходимых изменений; развитию государственности способствует конституционное регулирование; конституционное право обеспечивает институционализацию государственно-властного механизма, создавая тем самым предпосылки для успешного

функционирования государственности как таковой.

Затронутая нами проблематика имеет высокую важность. Авторы книги «Идеология русской государственности» убеждены, что русский конституционализм является самостоятельной составляющей русской государственности, то есть культуры построения государства [31. С. 11]. Мы в этом с ними солидарны, поскольку любая объединяющая идея должна еще опираться на эффективное государственное устройство, на решение задач сбережения народа, его культурной идентичности. В этом случае можно утверждать, что у страны есть государственность. Но если население страны не может пользоваться ресурсами страны для удовлетворения своих потребностей, интересов, улучшения качества жизни, его культурная идентичность под угрозой исчезновения, государственность как бы присутствует, но нет государства, а ее территория используется в форме колонии.

Заключение

Ментальная конструкция объединяющей идеи, о чем было замечено в начале нашей статьи, содержит мировоззренчески насыщенные элементы. К ним мы относим слова-символы, устойчивые словосочетания, взаимосвязанные между собой через образы. Это то, что называют идеологемами - политическими терминами, которые содержат идеологический компонент. В какой-то мере, «идеологема» используется как «ценностно окрашенное» понятие для обозначения претендующих на абсолютную истинность обобщающих суждений, возможность последующих действий. Например, идеологема «Родина и народ» всегда остаются базовыми составляющими идеи патриотизма, как отношения к границам «своего пространства», физического и символического, возникшие еще в доисторические времена. А потому при формулировании объединяющей идеи для страны, идеологема нельзя рассматривать как некий набор призывов. Эти категории, считает Л. Мамут, остаются системами суждений, обусловленных определенной общественной позицией субъекта и выражающих его оценку социальной действительности и отношение к ней [32. С. 105].

Основные идеологема в сочетании с коренным словом - «Россия как образ общего будущего», но нашему мнению, заслуживают внимания.

Традиция - защита веками приобретаемых ценностей, возврат к собственным культурно-религиозным, этническим корням при учете всего многообразия культур и верований, уважительное, бережное отношение ко всем народам и их культурам.

Русский мир - учение о России с ключевой идеей русской цивилизации. Дискуссии по этой теме в Изборском клубе свидетельствуют о популярности этого понятия не только в патриотической среде, но и в обществе в целом. Суждения участников о сущности этого понятия удивительно разнообразны сегодняшнему моменту. В. Аверьянов, заместитель председателя Изборского клуба, доктор философских наук воспринимает его как апофатическую сущность, его трудно уловить. Русский мир ни в коей мере не сводим к географии, к территории, конкретной почве, и в то же время, безусловно, имеет к ним прямое отношение. Всякий раз, на каждом историческом этапе Русский мир проецируется на конкретную территорию, на конкретную географию конкретную почву, получая взамен от этой почвы её силу, её энергию. Русский мир не сводится к языку. Но при этом язык - это действительно главнейшее наше измерение, из него мы черпаем настоящие и будущие смыслы. Русский мир не сводим к культуре в узком понимании этого слова. Русский мир - это не есть какая-то застывшая, традиционная фундаменталистская форма, это всегда поле, где происходят эксперименты, где происходит открытие нового. Культура не включает в себя «цивилизацию» в её инфраструктуре, её броню, её «хитиновый покров». А Русский мир включает в себя, в том числе, и цивилизацию. Русский мир не сводим к вере в конфессиональном понимании, просто потому, что он давным-давно вышел за рамки монорелигиозного сообщества. Русский мир - это поле тяготения русской цивилизации, вовлекающее элементы других культур, народов, религий и цивилизаций. Но, безусловно, Русский мир действует и внутри России, и в этом смысле он многомерен. Второе определение (как бы заход с другого конца), Русский мир - это определённый тип человека, обладающего способностью к сплочению людей, в том числе других культур, вокруг общего дела, общего проекта.

По высказываниям профессора С. Черныховского, Русский мир - это мир по-русски, это весь мир, пропущенный через русскую культуру и обогащённый ею. Для русского мира важно не столько противопоставление Западу, сколько то, что Россия в своей куль-

туре - это последнее, что осталось от Европы. Мы последние наследники великой цивилизации, во многом её, кстати, создававшие. Мы наследники античной цивилизации, из которой возникла и западная европейская цивилизация.

В. Симерча, вице-президент Академии экономических наук, доктор экономических наук, отмечает, что характеристика Русского мира, русского человека даже теперь – дать больше другому, чем взять у него. Это было всегда так. Это русская душа. Русская женщина и русская мать в основном и теперь такая. И отсюда проистекает материнское величие России, которое, похоже, неистребимо, потому что оно генетическое, отмечает в своей монографии исследователь МГИМО Е.А. Кремьянская [33].

Семья на своей земле – идеологема, озвученная участниками в ходе научно-практической конференции в октябре 2022 года в Сочи «ДНК России». Семья – это любовь, место счастья, семейные традиции и сохраняемые веками духовно-нравственные ценности, которые учат ответственности, доброте и эмпатии, это высший смысл жизни, идея продолжения рода и сосуществования.

Справедливость – зарождение чувства ответственности и осознанности своих действий, как в личностном аспекте, собственной жизни, так и в глобальном, чувстве связи себя и мира, в данном случае себя и государства. У каждого человека собственное отношение к справедливости с учётом степени нравственности, но в масштабе страны справедливость должна быть защищена.

Служение – оценка зрелости объединительной идеи, потеря которой критична для существования нации вообще. Это высшая форма возможности построения отношений, как между людьми, так и по отношению к чему-то большему: обществу, стране, миру. Как частная мера – чувство необходимости служения себе, выраженное через служение всему государству: есть польза государству, есть и польза себе. Смысл служения в том, чтобы отдавать себя целиком, не ожидая ничего взамен: почёта, уважения, при-

знания, одобрения. Служение начинается с внутреннего осознания и понимания того, что и как необходимо делать. Оно необходимо, как инструмент, позволяющий вырабатывать опыт реализации ответственности.

Любая идеологема сегодня может рассматриваться как индивидуальная ментальная локация – самоопределение человека в социальной среде, в стране, поиск своей самореализации. Успешность такой локации может определяться потенциалом представлений, предлагаемых для восприятия, соответствием или несоответствием этих представлений предлагаемому объекту, значимостью этого объекта для человека. Если в объединительной идее присутствуют ложные или утопические идеологемы, появляются негативные переживания и чувство недоверия к ним, к власти, к государству, к обществу.

Подводя итог, можно утверждать, что объединяющая идея, выражается в сплаве традиционного мировоззрения народа, который меняется много медленнее, чем государственные институты, государственное устройство и государственность, с необходимостью сегодняшнего времени, требованиями момента. Сплав прошлого и настоящего в этом плане, есть сильнейшая духовно-нравственная скрепа. Авторы, предлагающие свой взгляд на эту проблематику, рискуют быть подвержены критике. Но мы на это и рассчитывали и готовы к дискуссии.

По нашему мнению, объединяющая идея для России может быть предложена в таком формате. Образец справедливого, эффективного и гуманного государственного устройства, на основе стратегического планирования, национальных интересов, исходя из общечеловеческих традиций, духовно-нравственных ценностей, культурной идентичности, необходимости динамичного развития, евразийской интеграции, без отрицания договорных отношений с европейскими и другими государствами, при стремлении к освоению передовых технологий ради экономического благополучия.

Литература:

1. Романова Т.В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: Монография. Нижний Новгород, 2019.
2. Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

3. Глазьев Сергей. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). М., 2018.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова и др. М., 2010.
5. Педагогический энциклопедический словарь / Под ред. Б.М. Бим-Бада. М., 2003.
6. Батурин В.К. Философия русской идеи как путь к подлинной России.// Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная, государственные политики). Научно-экспертная сессия (семинар). Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). 2016.
7. Все статьи и интервью Александра Зиновьева. [Электронный ресурс]. URL: intelectology.livejournal.com.
8. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // СОЦИС. № 5. 1996.
9. Митин А.Н. Управление переносит будущее в настоящее: монография. Екатеринбург. 2010.
10. Российские ценности: движение в сторону индивидуализма // Троицкий синдром. № 25. 18 декабря 2018. № 269. С 10-11.
11. В. Шубарт. Европа и душа Востока. М., 2000.
12. Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1964. Т. 3-4.
13. Степин В.С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. № 1. 2011.
14. Соловьев В.М. Золотая книга русской культуры. М., 2007.
15. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. Е.Б. Колесниковой. СПб., 2012.
16. Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. № 4. 2008. июль/август. С. 1-8.
17. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха. СПб, 2015.
18. Марков Б.В. Национальная идея в России и Европе // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 1.
19. Уитни М. Как Америка мечтает Россию поделить // Политика. 01.11.2022.
20. Короткова О. Н Теоретико-правовой анализ правосознания как необходимый компонент проведения политико-правовых реформ // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 11.
21. Хоружая С.В. Социокультурная деградация индивида // Достижения вузовской науки, 2013. № 6.
22. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. / Под редакцией В. А. Томсинова. М., 2008.
23. Леер Г. А. Безыдейность. // Стратегия в трудах военных классиков в 2-х томах. М., 1926. Т. 2.
24. Свечин А. Стратегия. М., 1926.
25. Дугин А. Государство для идеологии, а не идеология для государства // Изборский клуб. № 3(89). 2021. С. 49-57.
26. Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М., 1997.
27. Югов А.А. Государственное устройство России как целостная система // Образование и право. № 1 (53) – 2 (54) 2014.
28. Ремарчук В.Н. Социальные технологии» как инструмент разрушения современной государственности // Гуманитарный вестник. № 12. 2016.
29. Белканов Е.А. К вопросу о понятии «государственность» // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С.97-100.
30. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции): Учеб. курс. М., 2003.
31. Сергейцев Т, Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. 2-е издание, дополненное. СПб., 2021.
32. Мамут Л. Правовое государство: идеологема и современные конституционные тексты // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81).
33. Кремянская Е.А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015.

ON THE IMPORTANCE OF THE UNIFYING IDEA IN MODERN RUSSIAN STATEHOOD

Introduction. The article presents an analysis of goals and arguments on the objective necessity of forming a unifying idea in modern Russian statehood, a set of values that form the basis of statehood, moral norms that do not provide for strict deadlines

for implementation. The idea is substantiated that unification in Russia is possible on the basis of strategic planning, based on spiritual and moral natural values that humanity still cherishes, and obstacles to such consolidation are characterized. Special at-

tention is focused on the components of the unifying idea: worldview; morality and morality; values; personal values; value orientations; culture; national consciousness; legal consciousness; state; statehood, state structure. The worldview-rich elements, which are called ideologemes, are presented in detail in the form of generalizing words-symbols, metaphors with powerful suggestive power, interconnected through images: Fatherland, sovereignty, the Russian world, equal opportunities, a single country – a single destiny, justice, solidary development, patriotism, humanity, mercy, service, family, unity in agreement, etc.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study was made up of both general scientific and private scientific methods of cognition. Methods of systematic, comparative legal analysis, special philosophical and legal research tools, involvement of the results of Russian and foreign studies on ideologies, statehood, state structure, problems of worldview, cultural identity were actively used in the work.

Research results. According to the results of the analysis, it was revealed that it is impossible not to notice the unifying ideas and ambitions that exist in different states, which are reflected in short mottoes that have the property of ideologemes. For Russia's current ambitions, it is to accelerate the crisis of the entire system that developed after the Great Patriotic War, led by the United States, reformat it into a multipolar world, attracting other states to its side, preserving the sovereignty and cultural identity of the people, strengthening its economy

and defense capability. In this case, there is a need to reassess the existing basic values and consider their potential for favorable scenarios for the development of the country.

Discussion and conclusion. The conclusion is substantiated that the unifying idea is expressed in the fusion of the traditional worldview of the people, which changes much more slowly than state institutions, state structure and statehood, with the necessity of today's time, the demands of the moment. The fusion of the past and the present in this regard is the strongest spiritual and moral bond. The article proposes the author's concept of the unifying idea of Russia, which should be based on an effective state structure, on solving the problems of saving the people, their cultural identity. In this case, it can be argued that the country has statehood.

Dmitry V. Gribanov,
Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Theory of State and Law,
Vice-Rector for Academic Affairs and Digital
Transformation of the Ural State Law
University named after V.F. Yakovlev, Russia

Alexander N. Mitin,
Doctor of Economics, Professor, Honored
Worker of the Higher School of the Russian
Federation, Head of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines
of the Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev, Russia

Ключевые слова:

Россия, объединяющая идея, мировоззрение, мораль и нравственность, ценности, личностные ценности и ценностные ориентации, культура и культурное наследие, национальное сознание, правосознание, идеологемы, государство, право, государственность, государственное устройство

Keywords:

Russia, unifying idea, worldview, morality and morality, values, personal values and value orientations, culture and cultural heritage, national consciousness, legal consciousness, ideologies, state, law, statehood, state structure

References:

1. Romanova T.V, 2019. Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki nacional'noj mental'nosti. Monografiya. [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality. Monograph]. Nizhny Novgorod.
2. Sorokin P., 1997. Glavnye tendencii nashego vremeni [The main trends of our time]. Moscow.
3. Glazyev S., 2018. Ryvok v budushchee. Rossiya v novyh tekhnologicheskome i mirohozyajstvennom ukladah [A leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures]. «Kollekciya Izborskogo kluba [«Collection of the Izborsky Club]. Moscow.
4. Stepin V.S., Huseynov A.A., 2010. Novaya filosofskaya enciklopediya [The New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow.
5. Bim-Bad B.M., 2003. Pedagogicheskij enciklopedicheskij slovar' [Pedagogical encyclopedic dictionary]. Moscow.
6. Baturin V.K., 2016. Filosofiya russkoj idei kak put' k podlinnoj Rossii [The philosophy of the Russian idea as a path to genuine Russia]. *Problema formirovaniya grazhdanina Rossii cherez instrumentarij identichnosti (kul'turnaya,*

- obrazovatel'naya, vospitatel'naya, propagandistskaya, informacionnaya, gosudarstvennye politiki). Nauchno-ekspertnaya sessiya (seminar). Centr nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii (Centr Sulakshina) [The problem of forming a citizen of Russia through the tools of identity (cultural, educational, educational, propaganda, informational, government policies). Scientific expert session (seminar). Center for Scientific Political Thought and Ideology (Sulakshin Center)].*
7. Vse stat'i i interv'y'u Aleksandra Zinov'eva [All articles and interviews by Alexander Zinoviev]. Elektronnyj resurs [electronic resource]. URL: *intelectology.livejournal.com*
 8. Lapin N.I., 1996. Modernizaciya bazovyh cennostej rossijan [Modernization of the basic values of Russians]. *SOCIS*. № 5.
 9. Mitin A.N., 2010. Upravlenie perenosit budushchee v nastoyashchee: monografiya [Management transfers the future to the present: monograph]. Ekaterinburg.
 10. Rossijskie cennosti: dvizhenie v storonu individualizma [Russian values: movement towards individualism]. *Troickij sindrom [Trinity syndrome]*. № 25. 18 December 2018.
 11. Shubart V., 2000. Evropa i dusha Vostoka [Europe and the soul of the East]. Moscow.
 12. Tolstoy L., 1964. Vojna i mir [War and Peace]. Vol. 3-4. Moscow.
 13. Stepin V.S., 2011. Filosofskij analiz mirovozzrencheskih universalij kul'tury [Philosophical analysis of ideological universals of culture]. *Gumanitarnye nauki [Humanities]*. № 1.
 14. Solovyov V.M., 2007. Zolotaya kniga russkoj kul'tury [Golden Book of Russian culture]. Moscow.
 15. Chamberlain H.S., 2012. Osnovaniya devyatnadcatogo stoletiya: v 2 t. T.1 / Per. s nem. E.B. Kolesnikovoj [The foundations of the nineteenth century: in 2 vols. Vol.1]. *Trans. with German E.B. Kolesnikova*. St. Petersburg.
 16. Tishkov V., 2008. Rossijskij narod i nacional'naya identichnost' [The Russian people and national identity]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]*. № 4. July/August. P. 1-8.
 17. Spengler O., 2015. Vossozhdanie Germanskogo rejha [The Re-creation of the German Reich]. St. Petersburg.
 18. Markov B.V., 2017. Nacional'naya ideya v Rossii i Evrope [National idea in Russia and Europe]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology]*. Vol. 33. Issue 1.
 19. Whitney M., 2022. Kak Amerika mechtaet Rossiyu podelit' [How America dreams of dividing Russia]. *Politika [Politics]*.
 20. Korotkova O.N., 2010. Teoretiko-pravovoj analiz pravosoznaniya kak neobhodimyj komponent provedeniya politiko-pravovyh reform [Theoretical and legal analysis of legal consciousness as a necessary component of political and legal reforms]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie [State power and local self-government]*. № 11.
 21. Khoruzhaya S.V., 2013. Sociokul'turnaya degradaciya individa [Socio-cultural degradation of the individual]. *Dostizheniya vuzovskoj nauki [Achievements of University science]*. № 6.
 22. Ilyin I. A.O., 2008. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. *Teoriya prava i gosudarstva. Izdanie 2-e, dopolnennoe / Pod redakciej V. A. Tomsinova [Theory of Law and the State. 2nd edition, expanded / Edited by V. A. Tomsinov]*. Moscow.
 23. Leer G.A., 1926. Bezydeynost. [Idleness]. *Strategiya v trudah voennyh klassikov v 2-h tomah [Strategy in the works of military classics in 2 volumes]*. Vol. 2. Moscow.
 24. Svechin A., 1926. Strategiya [Strategy]. Moscow.
 25. Dugin A., 2021. Gosudarstvo dlya ideologii, a ne ideologiya dlya gosudarstva [The state for ideology, not ideology for the state]. *Izborskij klub [Izborsky club]*. № 3 (89). P. 49-57.
 26. Chirkin V.E., 1997. Sovremennoe federativnoe gosudarstvo [The modern Federal state]. Moscow.
 27. Yugov A.A., 2014. Gosudarstvennoe ustrojstvo Rossii kak celostnaya sistema [The state structure of Russia as an integral system]. *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. № 1 (53) – 2 (54).
 28. Remarchuk V.N., 2016. Social'nye tekhnologii» kak instrument razrusheniya sovremennoj gosudarstvennosti [Social technologies" as a tool for the destruction of modern statehood]. *Gumanitarnyj vestnik [Humanitarian Bulletin]*. № 12.
 29. Belkanov E.A., 2013. K voprosu o ponyatii «gosudarstvennost'» [On the question of the concept of "statehood"]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal [Russian Law Journal]*. № 3. P. 97-100.
 30. Rayanov F.M., 2003 Problemy teorii gosudarstva i prava (yurisprudencii). Ucheb. kurs [Problems of the theory of state and law (jurisprudence)]. Moscow.
 31. Sergeitsev T., Kulikov D., Mostovoy P., 2021. Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya [Ideology of Russian statehood. The continent of Russia.]. 2nd edition, expanded. St. Petersburg.
 32. Mamut L., 2011. Pravovoe gosudarstvo: ideologema i sovremennye konstitucionnye teksty [The Rule of Law: ideology and modern constitutional texts]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. № 2 (81).
 33. Kremyanskaya E.A., 2015. Teoriya i praktika federalizma: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya [Theory and practice of federalism: comparative legal research: monograph]. Moscow.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ – НЕПРЕМЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСПЕШНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЗИДАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Евгений Охотский*

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-19-33

***Введение.** Предмет представленного в статье научного анализа – понятие, основные содержательные характеристики, закономерности и приоритетные направления содержательной трансформации идеологии как общественного явления, проблематика возможности, необходимости и трудностей формирования государственной идеологии, особенности ее реализации в контексте как новых возможностей, так и великого множества внутренних и внешних угроз. Подчеркивается, что идеология, находясь в состоянии диалектического развития, соответствующим образом переосмысливает константы и противоречия объективной реальности, при этом сохраняет свой «цивилизационный код» и свою функциональную предназначенность.*

***Методология и методы.** Диалектико-материалистическая модель исследования; методы наблюдение и сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному.*

***Результаты исследования.** Акцентируется внимание на опасностях идеологии великодержавного шовинизма и геополитического гегемонизма, сращивания либерализма с идеологией расизма, радикального национализма и фашизма, идеологией духовной нищеты и скудоумия. В сравнительном межстрановом и межцивилизационном ключе анализируются особенности великого множества идеологических концепций, представлена авторская позиция по поводу перспектив формирования государственной идеологии в условиях плюрализма и широких политических свобод современной России. Под сомнение поставлена стратегическая целесообразность сохранения запрета государственной или обязательной идеологии, представлен ответ на вопрос о возможности, необходимости и практической значимости государственной идеологии. Обосновывается справедливость того, что государство без научно обоснованной идеологической платформы в долгой исторической перспективе существовать не может, что отказ от государственной идеи провоцирует серьезные сбои в ценностных ориентирах, стимулирует различные формы неолиберализма, расизма и религиозного фундаментализма. Затрагиваются некоторые аспекты идеологических основ государственной службы.*

* **Охотский Евгений Васильевич**, доктор социологических наук, профессор, эксперт Научно-исследовательского центра государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия
e-mail: e.ohotskii@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2386-8238

Обсуждение и заключение. Обращается внимание на мировоззренческие, научные и правовые трудности формирования государственной идеологии в ценностном пространстве демократического государства современного формата. В качестве итогового вывода доказывается, что доминирующей идеологической системой, консолидирующей общество и обеспечивающей суверенитет российской государственности могут быть идеи патриотизма, правовой законности, социальной справедливости и гуманизма, категорического неприятия идеологии либерально-глобалистского эгоцентризма, агрессии и политического лицемерия. Что в полной мере соответствует идеалам и ценностям истинного демократического правового социального светского государства. Сформулированы предложения, касающиеся сложных и далеко не однозначно трактуемых проблем идеологического конструирования и агитационно-пропагандистского обеспечения государственного управления.

Введение

Идеология в дословной интерпретации – идея, образ, учение. В научном представлении – система концептуально систематизированных взглядов, принципов и теорий, представленных в некоторой всеобщности, своего рода «социальная религия» (Н.А. Бердяев) как мировоззрение со своими ценностями, целевыми установками и символами (Д. Белл), «способ выражения цивилизационной самоидентификации» (С. Хантингтон). Структурно интегрирует в себе философскую, политическую, правовую, духовно-нравственную, ментальную и геополитическую составляющие. Можно также сказать, что это язык, на котором элиты общаются с обществом, стремясь достичь с ним (или его частью) как можно большего взаимопонимания. Многие трактуют идеологию как «субъективное отражение действительности», представляют ее не как научную конструкцию, а как некую наукообразную маскировку истинных социально-политических замыслов и реальных, как правило, узкоэгоистических целей (В. Парето).

Есть и такие, которые идеологию представляют в качестве инструмента камуфлирования действительных планов правящих элит и бюрократии, стремящихся свой узкоэгоистический интерес выдать за интерес всеобщий, а значит, единственно правильный и справедливый. Отсюда двойственность: идеология может выступать как вдохновитель и проводник инновационного созидания, так и в роли инерционно-консервативной силы, а то и вовсе в качестве инструмента социальной дезинтеграции, политической дестабилизации и разрушения государства. Тем не менее главное никем не отрицается: идеология научной конструк-

тивной направленности не только отражает законы общественного бытия, но и является действенным фактором организации социума, помогает осознать национальные задачи и определить образ жизни, «делать историю с открытыми глазами» [13. С. 11, 646].

Учеными разработано немало идеологических концепций – научно-обоснованных и ложно-разрушающих, революционных и консервативных, модернистских и постмодернистских как прогрессивной, так и реакционной направленности. Многие определяется политико-мировоззренческой культурой и профессионализмом их авторов, методологической базой научного анализа – цивилизационного или формационного, материалистического или идеалистического, диалектического или формально-метафизического. Но в любом случае идеология – это *господство определенной системы концепций, идей и идеалов, традиционных и новаторских ценностей, служащих руководством «осознанного действия в составе общественного организма»* с учетом особенностей соответствующего исторического пространства. В противном случае это не идеология, а всего лишь набор «идей и суждений, которые невозможно применить на практике» [7. С. 61-62] в расчете на некий созидающий эффект.

Идеологию нельзя придумать – это то, что живет в народе, что освящено его духом и культурой. Базис такой идеологии у нас имеется. Более того, он конституционно закреплён. Это ценности демократии, правовой законности, социальной справедливости, светскости, уважительного отношения к духовной культуре народа, созидающего международного сотрудничества.

Идеология – это *борьба и понимание* того, что вместе с отказом от ценностей демократического правового социального го-

сударства исчезают свободы, разрушается культура и ослабевает «монолит общества». Именно этим, как нам представляется, мотивировано принятие «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809). Отсюда задача – не только на уровне научного сообщества и политической элиты, а всем, как говорится, миром работать над идеологической системой общегосударственной значимости. Затем интегрировать в систему власти и последовательно внедрять в сознание людей.

Исследование

Научный анализ помогает уяснить сущность и закономерности идеологического процесса, понять, как именно и в каких формах идет формирование, усвоение и практическая актуализация тех или иных идейно-мировоззренческих комплексов, их превращение в соответствующие идеологические парадигмы в качестве руководства практического действия. Не случайно все то, что с точки зрения идеологов не представляет практической ценности, подвергается сомнению, критикуется и по возможности изменяется, а то и вовсе отбрасывается. Там, где нет адекватной объективной реальности идеи и господствует иррационализм, там нет ни демократии, ни свободы волеизъявления, ни политической легитимности – еще одно обоснование объективной необходимости идеологии как консолидирующей, организующей и направляющей силы, задающей стратегический социально-интегрирующий вектор социального развития. При

этом речь не идет об идеологическом монополизме, идеологической нетерпимости или идеологическом авторитаризме в ценностной системе «господствующая идеология – монополюбно правящая партия – идеологизированный правящий режим».

Не менее актуальным является также вопрос о возможности, необходимости и роли официальной идеологии. Свое мнение по этому поводу высказали ученые, политики и государственные деятели, лидеры общественного мнения и влиятельные представители средств массовой коммуникации. Мнения разделились, причем кардинально. Даже несмотря на то, что никто не отрицает, что идеологическая неопределенность, а тем более идеологический вакуум, – явление кратковременное, рано или поздно, но обязательно заполняется. Причем далеко не всегда идеологией прогрессивно ориентированного созидающего содержания.

Приверженцы государственной идеологии¹ считают наличие такой идеологической конструкции важнейшим фактором успешности государственного строительства и публичного управления, той консолидирующей скрепой, которая обеспечивает должную гармоничность отношений между всеми компонентами государственности. Убеждены, что «без государственной идеологии построить суверенное государство невозможно» [1. С. 272]. Доказывают, что только при наличии прочной идеологической надстройки государство может быть государством правовой законности и суверенной демократии.

Некоторые выступают за государственную идеологию в форме «национальной идеи»² – своего рода идеологического стерж-

¹ См.: Багдасарян В. Идеология как фактор государственной успешности: сравнительный, исторический, страновой анализ. Доклад на Всероссийской научной конференции «Национальная идея России» 12 ноября 2010 г. – М.: ИНИОН РАН, 2010; Воронин С.А. История великого обмана. Испытание неолиберализмом. – М.: Наше Завтра, 2022. – 318 с.; Зиновьев А.В. Суверенитет, демократия, государство // Правоведение. 2006. № 6. С. 20-23; Мартюшов Л.Н. Государственная идеология Российской Федерации: какой ей быть? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. С. 4-18; Россия: опыт национально-государственной идеологии / [В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. В. Рябов]; Под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 229 с.; Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П.П. Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб.: Питер, 2020. – 688 с.; Яковлев А.И. Государственная идеология: Монография / А. И. Яковлев. – Калуга: Облиздат, 2001. – 315 с. и др.

² См.: Анненкова В.Г. Единая национальная идея – основа и смысл единства Российского государства / Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 9. С. 14-16; Коваленко В.И., Голошумов Е.В. Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. 1998. № 4. С. 3-20; Кочеров С.Н., Париков О.В., Кондратьев В.Ю. Философия русской идеи: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2018. 288 с.; Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Теория и механизмы современного государственного управления: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 273-299; Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 3-14; Национальная идея: история, идеология,

ня, который задает вектор общественного развития, определяет стратегические цели государственной политики и пределы возможного общественно-политического компромисса. Оспаривать такую позицию не просто, ведь национальная идея, если она действительно общенациональная, отражает интересы государства и общества, учитывает духовные и культурно-национальные традиции народа, обладает огромной мобилизующей энергией. Более того, поверхностно-упрощенное восприятие национальной идеи – первоисточник крупномасштабных практических ошибок.

Среди политиков и экспертов также немало тех, которые убеждены, что в плюралистическом демократически ориентированном обществе идеологии, претендующей на роль государственной, не должно быть в принципе. Обоснований такой позиции немало, и звучат они достаточно убедительно: дихотомия «капитализм-коммунизм» потеряла свою актуальность, время глобальных интегральных идеологий с ложными в подавляющем своем большинстве целями закончилось. Не работает и основной постулат марксизма – классовый анализ социальной действительности и эксплуататорская сущность капитализма. Осталась лишь «светская вера» как некое догматически трактуемое вероучение в форме постмодернизма, трансгуманизма и постправды.

Вывод: время глобальных идеологий прошло, настало время фундаментальных (изначальных) идей. Вот только непонятно, куда деть такие глобальные идеологии, как марксизм и неомарксизм, либерализм и неолиберализм с их национализмом, великодержавным гегемонизмом и столь динамично возрождающимся нацизмом, как ответить на вопрос почему особого оптимизма не вызывают утверждения типа того, что у нас мирно уживается великое множество идеологий и почему среди крупных аналитиков, немало тех, которых не смущает, что западным элитам с их либеральными, а нередко и откровенно экстремистскими проектами, так легко удается дезориентировать общественное сознание и навязать истину, которая родилась в споре неумных или заведомо лживых и безграмотных людей, как

избавиться от агрессивности национализма и либерального фашизма, гарантировать не на словах, а на деле «право человека быть человеком».

Генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров, отвечая на вопросы: «Нужна ли России государственная идеология?», «Существует ли принципиальная разница между национальной идеей и государственной идеологией?», «Действительно ли запрет на государственный монополизм в сфере идей ведет ко всеобщей духовной анархии и деморализации?», – доказывает, что если идеология приобретает статус государственной, то она становится, во-первых, монополично господствующей и общеобязательной, во-вторых, непременно появляются «жрецы идеологического культа», стремящиеся взять власть под свой полный контроль, в-третьих, вводятся наказания за отступление от идеологии, в-четвертых, сама идеология кодифицируется, застывает, теряет адекватность и со временем непременно перестает соответствовать своим же «изначальным посылам» [14]. Тут же делается вывод фундаментальной значимости: лучший способ уничтожить идеологию – сделать ее государственной. Не менее радикален в этом смысле и главный редактор «Независимой газеты» К.В. Ремчуков, который убежден, что «государство, нацеленное ...формировать для людей реальность по собственным лекалам, примитивно трактующим уроки истории, со скоростью в девять махов удаляется от массовых ожиданий и в итоге обречено на фиаско» [12].

По поводу того, что в условиях истинной демократии и правового государства никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной неоднократно высказывался также председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин. В перечне его доказательств несколько моментов. Во-первых, нынешний всплеск активности по поводу конституционного признания государственной идеологии представляется как минимум несвоевременным, а как максимум – опасным, чреватым очередным расколом общества на «белых» и «красных», тем более в условиях, когда стране нужна устойчивая

миф : Монография / Салмин А. М. и др.; отв. ред. Г. Ю. Семигин - М. : Современ. экономика и право, 2004. – 598 с.; Овсеенко Ю.С. Национальная идея современной России: инновационный фактор // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1. С. 19-24; Пляйс Я. А. «Суверенная демократия» — новый концепт партии власти // Власть. 2008. № 4. С. 24—32 и др.

внутриполитическая ситуация и стабильная экономическая, финансовая и социальная ситуация. Во-вторых, наиболее активными сторонниками государственной идеологии являются политические силы, которые в центр миропонимания ставят идею социальной справедливости, но при этом как бы не замечают, что Конституция Российской Федерации позволяет воплотить в жизнь все основные социальные ожидания, связанные с идеями социальной справедливости. В-третьих, необходимо иметь в виду, что идеологический плюрализм не означает отказ от интегрирующих и мобилизующих обществу идей. Ставится под сомнение лишь целесообразность доминирующей, единой для всего общества идеологии государственного статуса. Тем более, что конституция это позволяет [5. С. 9].

Идеология: основные содержательные характеристики, формы, функции

Идеология - достаточно мощный фактор активизации политических практик и формирования великого множества параллельно существующих мировоззренческих и политических конструкций. Убедительное доказательство тому история идеологического творчества и реализации соответствующих политико-революционных практик в истории нашей страны с момента основания Киевской Руси и принятия христианства, обретения суверенного статуса империи, противоборства народничества, монархизма, социал-демократии и либерализма вплоть до реализации советского проекта и последующего возврата к рыночно-демократическим ценностям в современном их прочтении.

В революционные годы начала XX вв. в России господствовали различные модели консервативной, социал-революционной, социал-демократической, шовинистической и других форм идеологии. Действовало великое множество политических партий с идеологическими платформами от реакционно-правых до крайне левых, от консерваторов-монархистов до либералов и сторонников идеологии прочной государственности и национального интереса.

Судьбоносную роль сыграла социал-демократия с ее проектом построения общества истинной справедливости и свободы, с идеалами правового равенства, пролетарской солидарности, бесклассового общества трудящихся.

В исторической последовательности в нашей стране была реализована идеология

марксизма-ленинизма большевистской модели с ее диктатурой пролетариата, партийной монополией, нетерпимым отношением к оппозиции, национализацией средств производства, плановым хозяйством и централизованным управлением, пролетарским интернационализмом. Особо значимые достижения социалистического периода: восстановление российской государственности в ее исторических границах; реализация не имеющего аналога в прошлом модернизационной стратегии в государственной, экономической, военной, образовательной, научной, культурной и социально-бытовой сферах; идеологическая экспансия в планетарном масштабе. Было также немало слабостей и противоречий: коммунистическая ортодоксальность, консерватизм, вождизм, номенклатурность регулирования кадровых отношений, бюрократизм плановой системы управления.

Свое место в отечественной и мировой истории заняла перестройка под девизом «Больше демократии, больше социализма!» в координатной системе гласности, ускорения и перехода к общечеловеческим ценностям в духе «нового мышления». Цели презентовались достаточно привлекательно – «включить народ в политику», «раскрепостить человека» и сделать его настоящим хозяином своей судьбы. Расчет был предельно прост - люди, воодушевленные идеями обновления и получив свободу, еще больше сплотятся вокруг правящей партии, проявят энергию и уверенно пойдут по пути позитивных изменений.

Реализовать перестроечные замыслы, тем не менее не удалось. Вместе со страной произошло разрушение ценностной системы. И это при условии, что идейно-нравственная, институциональная и ресурсная прочность Советского Союза производила впечатления незыблемости. Но оказалось, что достаточно расшатать идеологический каркас, посеять сомнения и тут же все стало проваливаться.

Под ответственность за свои стратегические просчёты лидеры перестройки подвели а) советскую власть, которая «не выдержала испытания демократией, свободой и гласностью», б) правящую партию, которая в условиях «тяжёлой борьбы между реформаторским и антиреформаторским крылом» из авангарда превратилась в консервативную силу, неспособную «реформировать себя и участвовать в реформировании страны», в) номенклатуру, которая в идеях обновления увидела угрозу для себя и встала на путь са-

ботажа перестройки, г) региональных партийных и советских лидеров, которые «не умели работать в условиях демократии», д) интеллигенцию, которая сосредоточилась на критике советского прошлого и «не смогла выдвинуть конструктивных идей», е) радикальную оппозицию за ее либеральную деструктивность и реакционный консерватизм, ж) общественное мнение, его «безразличие и пассивность, не осудившее развал Союза» [3].

В перечне основных перестроечных ошибок оказалась не идеологическая ограниченность и неспособность поступиться догматическими убеждениями, а всего лишь отсутствие должной последовательности в реформировании партии, запоздалость с реформированием федеративных отношений и дефицит на полках магазинов. Авторам подобного рода заключений, похоже неведомо, что произошедший обвал был предопределен. Прежде всего тем, что перестроечные реформы вошли в острое противоречие с базовыми смыслами общественного советского бытия, подрывом базовых *несиловых оснований* государственной жизнеспособности. Прежде всего таких из них, как цивилизационная идентичность, моральное здоровье общества (народная совесть), патриотизм, консолидирующая сила национальной идеи, т.е. тех скреп, которые не формально, а на деле убеждают, объединяют и мобилизуют.

Близорукостью перестройки также умело воспользовались западные противники советского государства и нанесли «смертельный удар по самому чувствительному - по общественному сознанию». Да и цели свои особенно не скрывали - подавить независимость русского сознания, унижить советского человека, изменить его духовный строй, приблизить «к западному складу сознания», добиться «мутации русского духа». Сделать это, как оказалось, было относительно нетрудно, особенно тогда, когда было покончено с партийно-идеологической монополией, когда диалектический материализм перестал быть философским базисом государственной идеологии. Соответствующим образом сработала также идеология западничества.

Идеологическое творчество под эгидой одной партии фактически было сведено на нет. Обыденными стали утверждения типа того, что «не надо никаких идеологий, не надо никаких научных дискуссий», нужен лишь рационализм и одна лишь технократия. Модными стали утверждения типа

того, что демократия - это прежде всего труд, толерантность, терпимость и «свобода от какого-то особого национального самосознания» (М.В. Назаров), что государство всеобщего благоденствия - «не только идеологическая цель, а прежде всего повседневная реальность» современной западной цивилизации (В.Н. Шевченко), а вслед за этим обоснование научных рекомендаций типа того, что «необходимо изменить духовный строй русского человека и приблизить его к западному складу сознания». А еще лучше «добиться мутации русского духа... и приблизить его к новому типу морали...на твердой почве просвещенного эгоистического интереса» (Б.М. Парамонов). Целевая установка проста и понятна: сознание людей должно стать индивидуалистически самодостаточным, максимально толерантным, лишенным исторических и национально-духовных корней (В.Ю. Троицкий).

Наш отечественный исторический опыт доказал, что а) не только идеократическое, но и всякое другое государство без прочной идеологической основы существовать не может, что отказ от базовой идеи существенно усиливает радикальный национализм, провоцирует утрату политического и территориального суверенитета; б) фаза дезинтеграции государственности начинается не с институционального кризиса и даже не с деморализации вооруженных сил, а с разложения ее *несиловых оснований*, прежде всего нравственно-идеологического фундамента; в) всякая идеология, стремясь к самосохранению и безоговорочному доминированию, имеет тенденцию к бюрократизации и закостенелости, готовит почву для формирования разного рода радикальных идеологических прожектов и разрушения государственных устоев; г) формирование единой, универсально всеобъемлющей, претендующей на исключительность идеологии практически невозможно; д) крах коммунистическая идеология в ее советском варианте еще не означает безоговорочную победу либерализма; е) демократия как универсальная идеологическая концепция либерализма - далеко не вершина идеологического строительства и не «конечный пункт политикомировоззренческой эволюции»; ж) принцип политико-идеологического плюрализма и запрет государственной или обязательной идеологии вне должного социального контроля создает достаточно комфортные условия для подрывной деятельности радикальной оппозиции, различного рода пропагандистско-идеологических подрывных

центров, фондов, неправительственных организаций.

Цель и задачи идеологии - создание определенного ценностно-мировоззренческого ориентира общественного развития. Именно идеология определяет общественные смыслы, формирует ценностную матрицу общественного бытия, содействует самоидентификации человека, превращает его в активного участника политического действия. Тем самым обеспечивается заданная осмысленность социальных реалий в их исторической противоречивости и преемственности, задается вектор социальной консолидации. Или, наоборот, социальной дифференциации, антагонизма, иррациональности и политического отчуждения – еще одно проявление идеал-реализма с его отождествлением реальной, эмпирической и идеалистически воспринимаемой действительности, реальных и формально-отвлеченно сконструированных представлений и интересов.

В перечне функций идеологии главной, как нам представляется, является мобилизационная - обеспечение стратегического целеполагания, включение людей в пространство активного политического участия. Такая идеология является носителем добрых исторических и современных традиций, вносит в сознание людей те идеалы и смыслы, которые становятся политическими, нравственными и духовными ориентирами для миллионов людей. Тем более сегодня, когда взламываются, казалось бы, вечные понятия и нормы. Обществу же нужна не *негативно-дезорентирующая*, а идеология *позитивно-созидающего* содержания, идеология, обращенная к человеку, ставящая, говоря словами В.В. Путина, волнующие вопросы, заставляющая думать, оценивать, делать соответствующие выводы и принимать лучшее. При этом отторгать лживое, а тем более разрушающее базовые ценности и подтачивающее государственные устои³.

Функции идеологии негативной направленности: мифотворчество и идейно-ценностное манипулирование; фальсификация исторического прошлого и разрушение идентичностей - цивилизационных, духовных, национально-культурных, про-

фессиональных; инверсия ценности честного государственного служения. Главное дезориентировать, ввести человека в заблуждение, навязать «нужные» взгляды, поставить в позу униженного и виновного. Методы пропагандистско-идеологического воздействия соответствующие: разделение общества на своих и чужих, демагогия и мифотворчество, политические фальшивки, шулерские приемы и провокационные инсценировки, организация «псевдособытий» и «отвлекающих сенсаций». Странники таких методов известны, понятно то, что им невыгодно «действовать на основе права и уважения фундаментального для всего миропорядка принципа суверенного равенства государств»⁴.

*Идеологическая концепция
современной России – идеология
развития на собственной
цивилизационно-ценностной основе*

Идеологическая ситуация в Российской Федерации в ее внутреннем и международном измерениях весьма противоречива. Вселяет оптимизм лишь то, что, отчистившись от перестроечной эйфории и отказавшись от планов «ускоренного овладения общемировыми ценностями», процесс строительства новой российской действительности приобрел более менее четко выраженную созидательную логику. Пришло также понимание того, что радикальные рыночно-демократические реформы не соответствуют идеологическому коду народа и, естественно, никакой, как это прогнозировалось, мессианской роли не сыграли. Наоборот, по сути своей больше соответствовали идеалам олигархической демократии и на практике активно способствовали десуверенизации России и снижению ее международного веса.

В.В. Путин с самого начала своей президентской стратегии в статье «Россия на рубеже тысячелетий»⁵ представил свое понимание основных составляющих ценностно-идеологической культуры российской цивилизации, заявил о приверженности демократическим преобразованиям, деидеологизации государственного управления и деполитизации государственной службы. Но с оговоркой: несмотря на то, что в

³ Путин В.В. Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Коммерсантъ. 2022. 28 марта. С. 9.

⁴ Лавров С.В. Об инсценировках как методе политики Запада // Известия. 2022. 18 июля.

⁵ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

российском обществе начался процесс усвоения общечеловеческих ценностей, тем не менее традиционные для нас ценности по-прежнему остаются важнейшей *опорной точкой* социальной консолидации. Придерживался мнения, что новая российская идея представляет собой органичное соединение универсальных общечеловеческих ценностей с такими «исконно российскими ценностями», как державность, патриотизм, духовность и национальная гордость. Тем не менее термин «государственная идеология» считал неудачным, исходил из того, что там, где есть государственная идеология как нечто официально благословляемое, там «не остается места для интеллектуальной, духовной и политической свободы». Убеждал, что в демократической стране гражданское согласие должно быть не принудительным, а добровольным, не заданным сверху, а привлекательным для подавляющего большинства граждан.

Со временем президентские формулировки по поводу идеологической трактовки политики становились более строгими, но при этом и более гибкими. В Послании 2015 г. представлена смысловая трактовка сильного государства, общества правды и справедливости, здоровой нации и здоровой семьи. Базовые идеологические императивы нынешней российской государственности содержатся в президентской «Программе 2012–2018». Представлены они в следующей последовательности: государственный суверенитет; демократические свободы; единство многонационального российского народа; духовное богатство с его человечностью, справедливостью, нравственным здоровьем и патриотизмом; приверженностью ценностям традиционной семьи. Во время встречи с руководством и главами фракций Государственной Думы Федерального Собрания РФ 7 июля 2022 г. глава государства счел необходимым особое внимание обратить на международную составляющую российской политико-идеологической концепции: приверженность принципам и нормам международного права; подлинный суверенитет народов и цивилизаций; международное сотрудничество на основе демократии, справедливости и равноправия; неприятие идеологии либерально-глобалистского эгоцентризма, агрессивности и лицемерных двойных стандартов. Прозвучали также достаточно жесткие характеристики современного западного либерализма.

На оппозиционном фланге сложилось три лагеря разной идеологической убеж-

денности: а) приверженцы стратегии консервативно-коммунистической ориентации, б) центристы - «мягкие оппоненты» правящего режима и в) проводники разного рода радикально-экстремистских конструкций. Ведущими представителями традиционного либерального мировоззрения в основу новой российской идеологической концепции предлагают положить идею «открытого внутри себя и открытого вовне современного демократического общества». Государственники в свою очередь убеждены, что надо быть более решительными в реализации идеологии «человеческого достоинства и государственного величия» с пониманием того, что дилеммы «либо достоинство – либо величие» не существует, что никакого достойного существования вне исторической правды и государственного величия не существует в принципе. Не последнее место на указанном фланге занимают концепции «обновленного евразийства»; государства русского суверенитета в форме «народной империи» и «государственного конституционализма» с такими ценностями, как государственный суверенитет, равенства законом и судом, неприкосновенность частной собственности и свобода экономической деятельности, народовластие. Не являются неожиданностью и вовсе экстравагантные для современного восприятия идеологические проекты.

Разнообразие позиций, как видим, огромно - убедительное свидетельство того, что в контексте активного творческого поиска идеологическое противоборство явление естественное и по ряду позиций достаточно конструктивное. Правда, при одном принципиально важном условии: ведущее место должны занимать императивы национального достоинства, государственного суверенитета и исторической ответственности, неприятия любых форм расовой, национальной, религиозной и других форм социальной конфронтации, унижения человеческого достоинства и шовинистического манипулирования.

Государственная идеология: особенности современного прочтения

Государственная (или обязательная) идеология – целостная, системно выстроенная совокупность идей, ценностей и представлений, в рамках которых государство осознает себя и свое положение в социально-политической действительности. Может трактоваться как концептуально-мировоззренческий базис, обеспечивающий эффек-

тивную реализацию государственной политики, как фундамент, на котором строится задание публичного управления и с той или иной степенью успешности решаются стоящие перед государством задачи. Структурно представляет собой многоуровневую конструкцию, включает несколько составляющих: философско-мировоззренческую; политико-правовую; культурно-историческую (цивилизационную); экономическую.

Что касается государственной идеологии, то это:

а) важнейший признак суверенной государственности. Наличие государственной идеологии помогает не только *аккумулировать общенациональный интерес*, но и реализовывать его в политико-управленческой практике, способствует мобилизации имеющихся в стране интеллектуально-кадровых, финансовых, производственно-материальных и иных ресурсов с целью наиболее рационального их использования в процессе претворения в жизнь социально значимых программ. Не случайно и не без веских на то оснований считается, что без должной идеологической осмысленности реализовать стратегически значимые для суверенного государственного статуса проекты должным образом очень непросто;

б) особый социально-политический, а по многим составляющим и правовой *институт*, который закрепляет определенный гносеологический идеал, к которому стремится государство, с помощью которого познаются, выражаются и защищаются интересы общества, государства и граждан во всей их сложности и противоречивости. С этой точки зрения идеология может квалифицироваться как методология познания, восприятия, оценки и преобразования действительности со всеми ее сложностями и противоречиями. Не определившись с идеологией стратегии, очень непросто создать высокоэффективную национально ориентированную экономику, реализовать политику национализации элит, а тем более сформировать культуру честного служения Отечеству;

в) мощная *социально-консолидирующая и мобилизующая сила*, основной смысл которой - консолидация общества, обеспечение нормальной жизни всех его членов. С помощью государства и его идеологии народ «осознает себя и свое положение в окружа-

ющей действительности, выражает свои потребности и интересы как единое целое, определяет формы своего бытия» [8. С. 19-22]. Отсутствие же идеологии, а тем более ее ложность (антинаучность), вводит общество, правящие элиты и социальное управление в режим «рыба, рак и щука», делает невозможным существование государства как самостоятельного субъекта созидания и плодотворного геополитического взаимодействия. Убедительный тому пример - современная Украина с ее бандеровщиной, неонацизмом и русофобией, фальсификацией истории, управлением под внешним контролем и мечтами о расширении своих границ за счет других государств;

г) специфическая *форма* мировоззренческого обоснования практических действий в политической, экономической, интеллектуальной и нравственно-духовной сферах. Идеология задает исходную матрицу и указывает вектор политического действия, помогает грамотно определять не только перспективные, но и среднесрочные и ближайшие цели, обозначить адекватные средства и инструментарий их достижения.

Понятно, что ценностная иерархия разных стран и народов разная. Каждое государство выстраивает свою политику на базе своего идеологического самоопределения, действует на основе собственного интереса и собственной идеологической платформы. Некоторые даже законодательно закрепили идеологию в статусе мировоззренческой концепции своей политики. Такие государства западными демократиями объявлены тоталитарными и неважно, что официальные идеологии в обязательном порядке включают общепризнанные ценности, которые в общемировом рейтинговом измерении занимают ведущие позиции. Это ценности семьи - 90,3% опрошенных респондентов в рамках международного проекта «World Values Survey»; социальной ответственности - 72,6%, патриотизма - 71,6%, человеческой жизни и личной безопасности - 62,1%, экономической успешности как гаранта материального благополучия - 59,9%, труда - 56,2%, прав и свобод человека и гражданина - 51,9%⁶. Непременно фиксируется негативное отношение к любым проявлениям радикализма, ксенофобии, великодержавного шовинизма, нацизма и религиозной нетерпимости.

⁶ Данные социологических замеров в рамках международного проекта «World Values Survey» // WVS Analyze, WVS EVS DB Архивная копия от 28 апреля 2018 на Wayback Machine.

Подавляющее большинство государств западного демократического спектра официально придерживаются принципа *деидеологизации* государства, его внутренней и внешней политики. В ряде стран государственная идеология запрещена на конституционном уровне. Но это вовсе не означает, что эти страны индифферентны (безразличны, равнодушны) к проблематике идеологического обоснования, обеспечения и сопровождения своей политики. Деидеологизация даже самых что ни на есть плюралистических государств в реальной практике – это всего лишь политико-пропагандистская уловка, попытка свести на нет роль идеологии политического противника с помощью соответствующих форм «беспристрастного» позитивизма под либеральными лозунгами борьбы за идеалы демократии, свободы и справедливости. Вот и мы, пока они навязывали императивы деидеологизации, воспитывали повсеместно расставляли людей своей идеологической ориентации, проводили свой курс системно, продуманно и целенаправленно. В каком-то смысле это чудо, что в России во власти (даже после тридцати лет обработки) достаточно зрелая с точки зрения национального суверенитета правящая элита и люди ее понимают.

В официальных трактовках идеологический ландшафт ведущих стран европейского континента сконструирован на основе ценностной апелляции к историческому прошлому европейской цивилизации и с учетом особенностей современной идентичности каждой страны. В официальной риторике господствуют традиционализм, консерватизм и демократия. Политика реализуется с опорой на культурно-гуманистические идеологемы «современного либерализма» и «новой европейской идентичности» [9. С. 177] с обязательным учетом универсальных ценностей религии, исторической традиции, правового государства, стремления к социальной консолидации, международной интеграции, цивилизованного рынка и демократии⁷.

На первый взгляд все грамотно и убедительно, но в реальной практике все обстоит иначе. Куда ближе к истине С.В. Лавров со своей трактовкой идеологической сущности нынешних западных демократий⁸, возведен-

ный в ранг государственной политики неолиберализм, русофобия, конъюнктурные трактовки резолюций Совета Безопасности ООН, организация постановочных инцидентов и провокаций. Да еще навешивание идеологических ярлыков типа «империя зла», «государство-изгой», «государство-спонсор терроризма», «народ орков». В этом же ряду циничное искажение истории – еще одно свидетельство справедливости того, что вершиной европейского рационализма является не национальное самосознание и не культурное величие, а расизм, национализм, высокомерие в самых изощренных его формах и многое другое, на что готов Запад, осознающий тупиковость своего «демократического проекта». Дошло до того, что посещение Европы для русских трактуется как привилегия. Не говоря уже о признании того факта, что именно советская цивилизация и идеология исторического материализма стимулировали динамичное развитие западного мира, что во многом благодаря достижениям социалистического сообщества и боязни революционных потрясений у себя дома существует современный западный мир с его несомненными достижениями.

Вот и в нашей стране многим в какой-то момент показалось, что чем быстрее мы откажемся от «советскости» и «коммунистичности», чем решительнее переориентируемся на универсальные ценности единого индустриального общества, тем быстрее страна войдет в мир свободы, достатка и динамичного развития. В очередной раз поверили в искренность западных носителей общемировых ценностей, наивно полагали, что, переформатировав соответствующим образом политический класс, сможем стать органической составляющей глобального мира. Запретили государственную идеологию, создали плюралистический простор, включились во все проекты международной кооперации, стимулировали «офшорную активность», не скупилась в сфере финансово-экономической и гуманитарной благотворительности в обмен на политическую лояльность западных партнеров.

На волне активного перестроечного поиска появилось великое множество новаторских идеологических прожектов, в считан-

⁷ Договор о Европейском Союзе. Текущая версия Договора вступила в силу в 2009 году после вступления в силу Лиссабонского договора.

⁸ Лавров С.В. Об инсценировках как методе политики Запада // Известия. 2022. 18 июля.

ные месяцы сформировалось более сотни политических партий, движений, блоков и платформ. Громко заявили о себе консерваторы и антикоммунисты, монархисты и националисты, социал-демократы и либералы. В одночасье «ожили» традиции позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма; фрейдизма и неопрейдизма; экзистенциализма и «рыночного фундаментализма». Свою идеологическую роль сыграл модернизм, постмодернизм и андеграунд с его артхаузами, флешмобами, перфомансом и оккультизмом. Результат соответствующий: страна в ускоренном режиме из субъекта мировой значимости превращалась в объект внешнего воздействия с утратой многих составляющих суверенитета и самостоятельности. Оказалось, что вера в ценности западного образа жизни, убежденность в том, что правильно жить можно только на одной волне с коллективным Западом - серьезное заблуждение.

Формирование государственной идеологии – огромной сложности длительный процесс. Тем более, если учесть великое множество *факторов противодействия* (торможения, сопротивления, сдерживания), которые под гром демагогической риторики мешают появлению в политической системе России государственной идеологии.

Основные деструкции такого рода следующие: ценностная делигитимация государства, целенаправленный подрыв доверия к властям, манипулирование рейтингами и политической социологией; деградация культуры научного рационального мышления, рыхлость (содержательная и нравственная) культурного базиса, разрушение системы воспитания и образования как «генетического механизма» сохранения национальных традиций; дискредитация ценностей доброты и порядочности, нейтрализация чувства патриотизма; инверсия ценностей пассионарности и честного служения государству; заполнение духовно-нравственных и политико-мировоззренческих пустот ложными идеологемами; инструменты «политического сдерживания» с угрозами «культуры отмены»; преклонения перед стандартами западного образа жизни, великодержавного шовинизма и космополитизма; наличие в среде правящей элиты лиц, которые не только не сопротивляются антигосударственным, национал-сепаратистским и антипатриотическим настроениям, а наоборот, вольно или невольно, их стимулируют и поддерживают. Отсюда нетривиальная задача нейтрализации сил торможения

и усиления защиты интересов государственной значимости.

Идеология государственного суверенитета и национального достоинства

Идеологию современного российского государственного строительства задает Конституция РФ, нормативные императивы конституционного и иных отраслей публичного права. Свое содержательное наполнение получает в президентских посланиях и его политических обобщениях, в парламентских решениях, государственных приоритетных проектах и программах. Не случайно говорят, что переход к управлению на основе идеологии национального проектирования «сразу изменило политический ландшафт страны». Государственная идеология – не только одна из множества существующих в обществе идеологических конструкций, она задается, развивается, поддерживается и охраняется государством, является неотъемлемым признаком государственности, интегрирует в себе исповедуемые государством идеалы, ценности и императивы.

Для российской государственной традиции идеологическое древо составляют такие *идеалы*, как патриотизм, равноправие народов, гуманизм с его признанием достоинства и ценности человека, его прав и свобод, духовное единство народа, ответственность за исторические судьбы страны, осознание себя равноправной частью мирового сообщества; такие *идеологические императивы*, как историческая память, правовая законность, демократические свободы, коллективизм, приверженность устоям традиционной семьи; такие государственные *интересы*, как национальный суверенитет, сильная многоукладная социально ориентированная экономика на современной научно-технической основе, защита человека от безработицы и нищеты, нейтрализация причин и условий, порождающих отчуждение от ценностей истинной культуры, военно-оборонная мощь как гарантия безопасности и территориальной целостности страны. Примерно в той же рейтинговой последовательности указанные ценности-интересы представлены в программах парламентских партий.

Если интегрировать представленные идеалы, ценности и интересы в единое целое, то получим идеологию, базисная основа (фундамент) которой – суверенная государственность, правовая законность, социальная справедливость, запрет пропаганды, возбуждающей социальную, расовую наци-

ональную или религиозную ненависть, запрет социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Указанные запреты/ограничения закреплены в Конституции РФ, детализированы соответствующими установлениями законодательства о средствах массовой информации, об общественных объединениях и политических партиях, о противодействии экстремизму, об информации, информационных технологиях и защите информации. Активную роль играет также институт политологической экспертизы на предмет политического экстремизма.

Нельзя также не учитывать и то, что в современных непростых геополитических условиях традиционные институты идеологического воздействия не всегда эффективны, многие из них бюрократизированы и не особенно авторитетны. Имеется немало конкретных точек идеологической слабости, в том числе преувеличенно уважительного отношения к чужеземному и критически-уничижительного отношения к своему. Нам еще предстоит научиться абстрагироваться от излишнего европейничанья, которое в нашей российской традиции практически всегда было существенной составляющей нашего национального культурного позиционирования. В высшем обществе особо престижными всегда были «манеры западного стандарта», умение «кое-как объясняться на французском языке» или со «специально привитым английским акцентом». Многие мечтали и мечтают «поместить себя в сконструированные на западный манер дворцовые паркетные залы», одеться в роскошные туалеты по иноземной моде, красоваться в блеске соответствующих высокосветских «придворных мундиров» [6. С. 63, 77-79]. Не говоря уже о стремлении на все аспекты собственной жизни смотреть с учетом «европейской точки зрения» [4. С. 263-270]. И неважно, что за этим чаще всего скрывалась элементарная видимость и самообман, а на самом деле пренебрежительно-высокомерное отношение к своей стране и к культуре своего народа.

Инерция «европейского выбора» сохраняется до сих пор. Причем инерция эта присутствует не в глубинах народной массы, а преимущественно на верхушечном уровне и неважно, что глубинная идеология российской действительности не приемлет западные трактовки свободы, демократии и справедливости. Не приемлет расизм, индивидуализм, феминизацию и однополые браки. Понятно также и то, что наличие го-

сударственной идеологии вовсе не означает, что государство стремится свести на нет потенциал политического плюрализма и идеологического многообразия, снизить энергетический потенциал «демократического мира» и увеличить, как говорится, амплитуду «волн демократического многообразия». Тем более не означает отрицания культурно-национальных особенностей отдельных социальных групп. Наоборот, стимулирует развитие политического сознания и культуры народа, но только, как когда-то писал П.И. Новгородцев, «на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры...» [10. С. 574].

Деполитизация, в нашем понимании, не означает игнорирование политико-идеологической составляющей государственного управления и государственной службы, не предполагает «политическую стерильность», а тем более политическую инфантильность и мировоззренческую безграмотность. Наоборот, расчет делается на высокий уровень политико-идеологической культуры государственного аппарата и каждого государственного служащего. Особенно в части политического анализа и соответствующей диагностики общественных отношений, профессионализма в инициации государственных решений и оценки их социальной эффективности. Что, понятно, не предполагает какую-то особую идеологизацию государственного аппарата, а тем более вовлеченность бюрократии в сферу идеологического противоборства и политической борьбы.

Нельзя также не понимать, что введение в Конституцию РФ нормы о запрете государственной или обязательной идеологии было не случайным, мотивировалось не столько стремлением минимизировать опасность коммунистического реванша, сколько пониманием проводниками радикальных демократических реформ в содружестве с их западными партнерами значимости закрепления на высшем юридическом уровне запрета на установление идеологии в качестве государственной. На самом деле страну буквально принуждали к тому, чтобы мы отказались от своей идентичности. Нас стремились во что бы то ни стало убедить в том, что без господствующих в «демократическом мире» ценностей никакого будущего у нас нет. Отсюда столь настойчивое стремление до минимума свести действенность идейно-воспитательной функции государства и школы, изъять из политической системы идеологию как одного из важней-

ших мировоззренческих и духовно-нравственных условий прочности государства и тем самым лишить власти возможности официально определять свои «смысловые и ценностные ориентиры». При этом действовали напористо и энергично, вводили в заблуждение осознанно, последовательно и по всему фронту.

Прошло немного времени и стало очевидным, что предписание государству быть деидеологизированным - это еще не демократия и никакая не свобода политического выбора. Игнорирование государственной идеологии - источник социально-политической вялости, фактор социальной апатии и атмосферы национального уныния [11. С. 174]. И это в лучшем случае. Рассчитывать на успех и при этом действовать ситуационно вне определенной идеологической матрицы непрофессионально и недалеко-видно. Постепенно приходит понимание того, что «каждая мировая держава - это не только границы, армия и экономика, но и особый идеологический проект...», способный обеспечить и «поддержку народных масс», и должным образом «мобилизовать властвующую элиту» [2. С. 490]. Доказывают, что только при наличии прочной идеологической надстройки государство может быть государством правовой законности и суверенной демократии.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать вывод, что наличие у государства собственного научно обоснованного и апробированного исторической практикой идеологического контекста не только не противоречит демократическим принципам, а наоборот, обеспечивает стратегически устойчивую жизнеспособность общества, ставит прочный заслон разрушающим силам безыдейности и бездуховности. Наличие идеологического суверенитета опирается не только на объективно заданную иерархию ценностей, но и предлагает собственный взгляд на социальные явления и процессы внутринационального, континентально-регионального и общемирового спектра.

Государственная идеология - особый язык государства, на котором власти общаются с обществом и который выступает в качестве особого интегративного инструмента единения социальных идеалов и высших государственных ценностей. Она гарантирует глубокую осмысленность общественного бытия, обеспечивает соответствующее

окультуривание общества и его консолидацию, задает вектор прогрессивного социального развития. Это та скрепа, которая собирает нацию в единое целое, помогает сохранить достоинство человека и гражданина.

Формирование государственной идеологии - процесс огромной сложности и длительности. Здесь нет места настроениям типа того, что «Мы хотим жить как в Европе» - вроде бы в Европе нет идеологии и нет своего особого восприятия социально-политической действительности. Государственная идеология в условиях истинной демократии и правовой законности - не тоталитаризм и не отрицание плюрализма, а мощный мобилирующий потенциал и привлекательность разделяемых государством идеалов, ценностей и императивов. Это механизм единения верхов и низов, одни из значимых факторов единой для всех политической, финансово-экономической и управленческой дисциплины.

В противном случае это не идеология понимания и созидания, а идеология догмы, деинтеллектуализации и разрушения - своего рода «интеллектуальная недостаточность». А далее с логической закономерностью неизбежное - разрушение всех общественных скреп и недееспособность государства. Отсюда вывод: нам надо не копировать и не подстраиваться под кого-то, а двигаться своим, определенным отечественной историей, путем, формировать идеологию, адекватную традициям и святыням российского народа, историческим, геополитическим, социально-культурным и природно-климатическим условиям своей страны. С учетом, конечно, особенностей современного этапа цивилизационного развития. Без соответствующего мировоззренческого обоснования очень трудно на полную мощь задействовать научно-интеллектуальный и производственно-экономический потенциал общества. Именно поэтому страна, если она претендует на статус суверенной, нуждается не только в политической, финансово-экономической и технологической независимости, но и в независимости идеологической.

Достаточно адекватное закрепление государственная идеология может получить в соответствующих программных документах. Только после этого идеология может быть функциональной и социально эффективной, реально способной должным образом противостоять национализму, религиозной нетерпимости и экстремизму, быть надежной составляющей рационального государственного управления. Именно по-

этому вряд ли можно серьезно относиться к утверждениям типа того, что идеологизированные государства однозначно тоталитарные, а деидеологизированные – истинно демократические, что первые обязательно проигрывают, а вторые выигрывают. Чаще всего бывает, как раз наоборот. Все зависит от того, о каком государстве и о какой идеологии идет речь.

Как и однозначно то, что идеология – это не только интеллект и мышление. Это борьба и понимание того, что вместе с идеоло-

гией демократического правового государства исчезают и права человека, и культура, и «монолит общества». Верное оказывается ложным, нравственно зрелое становится аморально возможным. Нам такой вариант идеологического строительства не подходит. Нам нужна идеология убедительная и прагматичная, максимально приближенная к реальной российской государственно-политической и социально-культурной действительности.

Литература:

1. Воронин С.А. Генезис, сущность и эволюция либерализма. М., 2017.
2. Глазьев С.Ю. Приватизация настоящего // PRO суверенную демократию. М., 2007.
3. Горбачев М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление // Россия в глобальной политике. 2 августа 2021.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
5. Зорькин В.Д. Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Независимая газета. 30 июня. 2022.
6. Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1948.
7. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится на практике» // Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
8. Матусевич Е.В. Новый этап развития идеологии белорусского государства // Проблемы управления. 2003. № 3.
9. Национальная идея: история, идеология, мифы: монография / Салмин А.М. и др. / Отв. ред. Г.Ю. Семигин. М., 2004.
10. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Об общественном идеале. М., 1991.
11. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М., 2009.
12. Ремчуков К. Люди хотят понять, кто они и для чего они в этой жизни, осознать свою идентичность // Независимая газета. 7 декабря. 2021.
13. Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П.П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб., 2020.
14. Федоров В.В. Нужна ли России государственная идеология? // <http://www.rg.ru/printable/2015/08/13/fedorov.html>.

STATE IDEOLOGY IS AN ESSENTIAL COMPONENT OF SUCCESSFUL POLICY AND CREATING STATE DEVELOPMENT

Introduction. *The subject of the scientific analysis presented in the report is the concept, the main content characteristics, patterns and priority directions of the content transformation of ideology as a social phenomenon, the problems of the possibility, necessity and difficulties of forming a state ideology, the specifics of its implementation in the context of both new opportunities and a great variety of internal and external threats. It is emphasized that ideology, being in a state of dialectical development, appropriately rethinks the constants and contradictions of ob-*

jective reality, while maintaining its "civilizational code" and its functional purpose.

Methodology and methods. *Dialectical-materialistic research model; methods of observation and comparison, analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling, ascent from the abstract to the concrete.*

The results of the study. *Attention is focused on the dangers of the ideology of great-power chauvinism and geopolitical hegemonism, the fusion of liberalism with the ideology of racism, radical nation-*

alism and fascism, the ideology of spiritual poverty and imbecility. In a comparative cross-country and intercivilizational way, the features of a great variety of ideological concepts are analyzed, the author's position on the prospects for the formation of state ideology in the conditions of pluralism and broad political freedoms of modern Russia is presented. The strategic expediency of maintaining the prohibition of state or mandatory ideology is questioned, the answer to the question of the possibility, necessity and practical significance of state ideology is presented. Justifies the justice of the fact that the state cannot exist without a scientifically based ideological platform in a long historical perspective, that the rejection of the state idea provokes serious failures in values.

Discussion and conclusion. Attention is drawn to the ideological, scientific and legal difficulties of the formation of state ideology in the value space of a modern democratic state. As a final conclusion, it

is proved that the dominant ideological system consolidating society and ensuring the sovereignty of the Russian statehood can be the ideas of patriotism, legal legality, social justice and humanism, categorical rejection of the ideology of liberal-globalist egocentrism, aggression and political hypocrisy. Which fully corresponds to the ideals and values of a true democratic, legal, social, secular state. The proposals concerning the complex and far from unambiguously interpreted problems of ideological construction and propaganda support of public administration are formulated.

Evgeny V. Okhotsky,
Doctor of Sociology, Professor,
expert of the Research Center of Public
Service and Management Russian Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation, Russia

Ключевые слова:

государство, деидеологизация,
власть, идеал, идеология, интерес
государственный, интерес национальный,
консерватизм, коммунизм, либерализм,
национализм, патриотизм, ценность

Keywords:

state, deideologization, power, ideal, ideology,
state interest, national interest, conservatism,
communism, liberalism, nationalism,
patriotism, value

References:

1. Voronin S.A., 2017. Genezis, sushchnost' i evolyuciya liberalizma [Genesis, Essence and Evolution of Liberalism]. Moscow.
2. Glaz'ev S.Yu., 2007. Privatizaciya nastoyashchego [Privatization of the Present]. *PRO suverennuyu demokratiyu [PRO Sovereign Democracy]*. Moscow.
3. Gorbachev M.S., 2021. Ponyat' perestrojku, otstoyat' novoe myshlenie [Understand Perestroika, defend New Thinking]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]*. August 2.
4. Danilevskij N.Ya., 1991. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow.
5. Zor'kin V.D., 2022. Pravo Rossii: al'ternativy i riski v usloviyah global'nogo krizisa [Russian Law: Alternatives and Risks in the Context of the Global Crisis]. *Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]*. June 30.
6. Ignat'ev A.A., 1948. 50 let v stroyu [50 years in Service]. Moscow.
7. Kant I., 1965. O pogovorkе «Mozhet byt' eto i verno v teorii, no ne goditsya na praktike» [On the proverb "May be this is true in theory, but it is not good in practice"]. *Sochineniya v shesti tomah [Works in six volumes]*. Ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Ojzerman. Volume 4. Moscow.
8. Matusevich E.V., 2003. Novyj etap razvitiya ideologii belorusskogo gosudarstva [A new stage in the development of the ideology of the Belarusian state]. *Problemy upravleniya [Problems of management]*. № 3.
9. Nacional'naya ideya: istoriya, ideologiya, mify: monografiya [National idea: history, ideology, myths: monograph]. Salmin A.M. i dr. Ed. by G.Yu. Semigin. Moscow, 2004.
10. Novgorodcev P.I., 1991. Vosstanovlenie svyatytn' [Restoration of shrines]. *Ob obshchestvennom ideale [On the social ideal]*. Moscow.
11. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S., 2009. Novye tekhnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'yu. Monografiya [New technologies for combating Russian statehood. Monograph]. Moscow.
12. Remchukov K., 2021. Lyudi hotyat ponyat', kto oni i dlya chego oni v etoj zhizni, osoznat' svoyu identichnost' [People want to understand who they are and why they are in this life, to realize their identity]. *Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]*. December 7.
13. Sergejcev T.N., Kulikov D.E., Mostovoy P.P., 2020. Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya [The ideology of Russian statehood. Continent Russia]. St. Petersburg.
14. Fedorov V.V. Nuzhna li Rossii gosudarstvennaya ideologiya? [Does Russia need a state ideology?]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/08/13/fedorov.html>.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКСИТА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Дмитрий Иванов*
Валерия Пчелинцева**

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-34-46

Введение. Министерство внутренних дел Великобритании опубликовало Заявление о Новом плане по вопросам иммиграции, предусматривающее возможность перемещения лиц, которые не имеют права на пребывание на территории государства, в «безопасные третьи государства» на основании соглашений с данными государствами в марте 2022 г. Впоследствии между Правительством Великобритании и Правительством Руанды был подписан Меморандум о взаимопонимании о перемещении лиц, ищущих убежище, «заявления которых не находятся на рассмотрении в Великобритании», на территорию Руанды для рассмотрения последней данных заявлений. Несоответствие современной политики Великобритании в сфере иммиграции ее обязательствам по международному праву обуславливает исследование ее последствий для кодификации и прогрессивного развития международного права.

Материалы и методы. Анализ современной политики Великобритании в сфере иммиграции с точки зрения науки международного права осуществлялся посредством сопоставления содержания международных и национальных актов, принятых Великобританией, а также заявлений государственных органов и должностных лиц данного государства и содержания универсальных международных актов и документов, принятых под эгидой международных организаций. Теоретической основой исследования послужили научные работы юристов-международников в области вынужденной миграции, убежища и международного права защиты и поощрения прав человека.

Результаты исследования. Системный анализ положений Меморандума о взаимопонимании приводит к выводу о его несоответствии нормам международно-правового института убежища и международного права защиты и поощрения прав человека. Такую разновидность международно-правовой поли-

* **Иванов Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-1231-6072

** **Пчелинцева Валерия Викторовна**, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: lintseva.l@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2231-0598

тики государств следует характеризовать как одно из свидетельств отрицания современного международного права, определяемого в юридической науке как «международно-правовой нигилизм».

Обсуждение и заключение. Авторы приходят к заключению о том, что дальнейшее принятие мер политико-правового характера в сфере иммиграции, противоречащих обязательствам государств, предусмотренным международными договорами и международным обычаем, а также отсутствие официальных заявлений о позиции государств в отношении таких мер могут повлиять на толкование и применение норм современного международного права, регулирующих правовое положение вынужденных мигрантов.

Введение

Положение вынужденных мигрантов в Великобритании регулируется как национальным, так и международным правом. Данное государство является участником универсальных и региональных международных договоров по вопросам вынужденной миграции, в том числе Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола, касающегося статуса беженцев 1967 г., а также ряда конвенций Совета Европы по вопросам защиты прав беженцев и лиц, ищущих убежище¹. По истечении 31 декабря 2020 г. переходного периода, установленного ст. 126 Соглашения о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского союза и Европейского сообщества по атомной энергии 2019 г.², прекратилось действие Регламента «Дублин III» на территории Великобритании³.

Министерство внутренних дел Великобритании опубликовало Заявление о Новом

плане по вопросам иммиграции⁴, предусматривающее возможность перемещения (англ. *removal*) лиц, которые не имеют права на пребывание на территории государства, в «безопасные третьи государства» (англ. «*safe third countries*») на основании соглашений (англ. *agreements*) с этими государствами, в марте 2022 г. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Республики Руанда о заключении договоренности в рамках сотрудничества по вопросам убежища для укрепления международных обязательств по защите беженцев и мигрантов⁵ (далее – Меморандум о взаимопонимании) был подписан 13 апреля 2022 г. Данный международный акт закрепляет порядок и условия перемещения лиц, ищущих убежища, из Великобритании в Руанду для рассмотрения их заявлений о предоставлении убежища. Меморандум о взаимопонимании вызвал обеспокоенность Управления Верховного

¹ Данное государство является участником Европейского соглашения о передаче ответственности в отношении беженцев 1980 г. Действие Европейского соглашения об отмене виз для беженцев 1959 г. было приостановлено в 2003 г. При этом Великобритания не является государством-участником Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1963 г., закрепляющего право лиц на свободу передвижения и запрет высылки иностранцев.

² Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community 2019/C 384 I/01. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1580206007232&uri=CELEX%3A12019W/TXT%2802%29> (Accessed: 13.11.2022).

³ При этом в период членства Великобритании в Европейском союзе данное государство не принимало на себя обязательств по Шенгенским соглашениям, а применение на его территории Хартии Европейского союза об основных правах было ограничено положениями Протокола № 30 к Договору о функционировании Европейского союза.

⁴ New Plan for Immigration: policy statement. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/new-plan-for-immigration/new-plan-for-immigration-policy-statement-accessible> (Accessed: 02.10.2022 г.).

⁵ Memorandum of Understanding between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the government of the Republic of Rwanda of the provision of an asylum partnership arrangement. COV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-mou-between-the-uk-and-rwanda/memorandum-of-understanding-between-the-government-of-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-and-the-government-of-the-republic-of-r> (Accessed: 02.10.2022 г.).

комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН)⁶, специальных докладчиков Совета по правам человека⁷, Комиссара по правам человека Совета Европы⁸ и иных универсальных и региональных международных органов и должностных лиц. Лица, которые не смогли оспорить правомерность перемещения в Руанду в национальных судах⁹, обратились с жалобами на принятые в отношении них меры в Европейский суд по правам человека¹⁰.

После принятия Нового плана по вопросам иммиграции были внесены изменения в действующее законодательство Великобритании об убежище, гражданстве и иммиграции, закрепляющее правовые основы предоставления статуса беженца, убежища и временной защиты вынужденным мигрантам, а также их перемещение в «безопасные третьи государства». Примером таких изменений является принятие Закона о гражданстве и границах 2022 г.¹¹ Соответствие современной политики Великобритании в сфере иммиграции ее обязательствам по международному праву вызывает сомнения, что обуславливает актуальность ее исследования с точки зрения науки международного права.

Исследование

Последние исследования международно-правовых аспектов вынужденной миграции указывают на Меморандум о взаимопонимании как один из примеров «экстернализации», то есть передачи ответственности

за выполнение обязательств по предоставлению защиты беженцам третьим государствам [11. С. 142]. Настоящее исследование направлено на международно-правовую оценку и характеристику современной политики Великобритании в сфере иммиграции на примере Меморандума о взаимопонимании.

Теоретической основой исследования послужили научные работы юристов-международников в области вынужденной миграции, убежища и международного права защиты и поощрения прав человека. Эмпирической основой исследования послужили универсальные международные договоры и акты рекомендательного характера по вопросам убежища и защиты и поощрения прав человека, а также национальное законодательство Великобритании.

В рамках исследования анализ современной политики Великобритании в сфере иммиграции осуществлялся посредством сопоставления содержания международных и национальных актов, а также заявлений государственных органов и должностных лиц Великобритании, и содержания указанных правовых концепций и положений универсальных международных договоров и актов рекомендательного характера.

Правовая природа

Меморандума о взаимопонимании

Из анализа текста Меморандума о взаимопонимании следует сделать вывод об отсутствии намерения и воли сторон дан-

⁶ UN Refugee Agency opposes UK plan to export asylum. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2022/4/62585e814/un-refugee-agency-opposes-uk-plan-export-asylum.html> (Accessed: 13.11.2022).

⁷ Letter addressed to Her Excellency the Queen of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland by Mandates of the Special Rapporteur on trafficking in persons, especially women and children; the Special Rapporteur on the human rights of migrants; the Special Rapporteur on contemporary forms of slavery, including its causes and consequences; the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism and the Special Rapporteur on violence against women, its causes and consequences dated 1 July 2022. OHCHR. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27073> (Accessed: 13.11.2022).

⁸ United Kingdom government's intention to offshore asylum processing to Rwanda sends a worrying signal. Commissioner for Human Rights. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/united-kingdom-government-s-intention-to-offshore-asylum-processing-to-rwanda-sends-a-worrying-signal> (Accessed: 13.11.2022).

⁹ Rwanda Permission to Appeal Application refused. The Supreme Court of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <https://www.supremecourt.uk/news/rwanda-permission-to-appeal-application-refused.html> (Accessed: 13.11.2022).

¹⁰ Further requests for interim measures in cases concerning asylum-seekers' imminent removal from the UK to Rwanda. ECHR. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-7360933-10056317&filename=Further%20requests%20for%20interim%20measures%20in%20cases%20concerning%20asylum-seekers%E2%80%99%20imminent%20removal%20from%20the%20UK%20to%20Rwanda.pdf> (Accessed: 13.11.2022).

¹¹ Nationality and Borders Act 2022. Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/36/contents/enacted> (Accessed: 02.10.2022).

ного акта на заключение международного договора. Согласно п. 1.6. Меморандума о взаимопонимании, данный акт не является обязательным по международному праву. Для обозначения Меморандума о взаимопонимании в тексте данного акта применяется термин «договоренность» (англ. *arrangement*)¹².

Хотя термин «договоренность» используется в наименовании некоторых международных договоров¹³, чаще всего международные акты, квалифицируемые как «договоренности», не создают норм международного права «в традиционном смысле», а обозначают ориентиры политики государств в определенной сфере (например, договоренности, заключенные в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе) [6, С. 20]. Представляется, что и обязательства (англ. *commitments*), закрепленные в Меморандуме о взаимопонимании, имеют политико-правовой, а не юридически обязательный характер.

Вопрос о соотношении международного права и политики до сих пор является предметом научной дискуссии. При этом представители отечественной правовой доктрины отмечают, что «международное право, хотя и в неодинаковой степени, задает направленность политики каждого конкретного государства», а также что международное право «способствует реализации той политики, которая ему соответствует; и препятствует политике, ему не соответствующей» [3, С. 26]. Таким образом, договоренности, содержащие политико-правовые обязательства государств, подлежат правовой квалификации с точки зрения принципов и норм международного права.

Положения ряда международных договоров указывают на распространение сферы их применения на меры политического характера, принятые государствами. Согласно ст. 103 Устава Организации Объединенных Наций 1945 г., международные обязательства по данному международному договору имеют преимущественную силу над каким-либо другим международным соглашением (англ. *agreement*). Из определения понятия «международный договор», данного в ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. следует, что понятие «меж-

дународное соглашение» не тождественно понятию «международный договор» и является более широким по объему. А.Н. Талалев отмечал, что соглашения между государствами не обязательно воплощаются в международных договорах, и указывал на Заключительный акт 1975 г. как пример соглашения, которому стороны решили не придавать договорной формы [8, С. 58].

В соответствии со статьей 5 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП) никакие положения данного международного договора не могут толковаться как означающие, что какое-либо государство <...> имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью (англ. *activity*, фр. *activité*) или совершать какие бы то ни было действия (англ. *acts*, фр. *actes*), направленные на уничтожение любых признанных в нем прав или свобод или на ограничение их в большей мере, чем предусмотрено в Пакте. Представляется, что термины «деятельность» и «действия» применимы к мерам государств, направленным на выполнение их политико-правовых договоренностей.

Вышеизложенное подтверждает выраженную исследователями международного права убежища позицию о том, что договоренности, подобные Меморандуму о взаимопонимании, не должны противоречить обязательствам сторон по международному праву [11, С. 145]. В частности, суверенное право государства на контроль доступа иностранцев к своей территории, как отмечает Г.С. Гудвин-Гилл, подпадает под ряд исключений, сделанных, помимо прочего, в пользу лиц, ищущих убежище [14, С. 36].

Предметом регулирования Меморандума о взаимопонимании являются международные отношения в сфере предоставления убежища и защиты прав человека, о чем свидетельствуют преамбула и положения о целях данного акта. В результате его принятия изменилось правовое положение вынужденных мигрантов на территории Великобритании и Руанды. При этом Меморандум о взаимопонимании содержит положения, исключая юрисдикцию национальных и международных судебных органов в отношении данной договоренности. Например, согласно п. 2.2 Меморандума о взаимопони-

¹² П. 1.1. Меморандума о взаимопонимании.

¹³ Например, Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров 1994 г., содержащаяся в Приложении 2 к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г.

мании «выполнение обязательств по данной договоренности не может быть предметом судебного спора по заявлению третьей стороны или индивида». Положения Меморандума о взаимопонимании об исключении юрисдикции судебных органов в отношении заявлений индивидов следует считать противоречащими норме обычного международного права, согласно которой индивид, которому в иностранном государстве был нанесен вред неправомерными действиями, имеет право искать правовой защиты в судебных и административных органах государства пребывания [13. С. 75].

В соответствии с положениями п. 23.2 Меморандума о взаимопонимании в случае издания национальным судом любой из сторон акта, который препятствует выполнению предусмотренных им обязательств государств, действие Меморандума приостанавливается на срок, в течение которого обязательства государств не могут быть исполнены. Меморандум о взаимопонимании не предусматривает положений о его пересмотре в соответствии с таким решением национального судебного органа. Таким образом, стороны Меморандума о взаимопонимании признают за политико-правовыми договоренностями, которые он закрепляет, преимущественную силу над нормами не только международного, но и национального права.

Представляется, что по своей правовой природе Меморандум о взаимопонимании следует квалифицировать как соглашение государств в форме договоренности об их политических обязательствах. Предмет регулирования Меморандума о взаимопонимании включает международные отношения, связанные с предоставлением убежища и защитой и поощрением прав человека, которые одновременно являются предметом регулирования международного права. Соответствие Меморандума о взаимопонимании нормам общего международного права следует подвергнуть сомнению.

Объект и цели Меморандума о взаимопонимании

Положения Раздела 2 Меморандума о взаимопонимании закрепляют его главную цель: создать механизм перемещения (англ. *relocation*) лиц, ищущих убежища, заявля-

ния которых не находятся на рассмотрении (англ. *not being considered*) Правительства Великобритании, в Руанду, где их заявления будут рассмотрены. Из толкования указанных положений Раздела 2 Меморандума о взаимопонимании в свете его преамбулы следует, что перемещение лиц, ищущих убежища, в Руанду и передача данному государству ответственности за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища осуществляется, чтобы способствовать развитию международного режима защиты беженцев и исключить злоупотребления, связанные с незаконной перевозкой мигрантов.

По смыслу преамбулы Меморандума о взаимопонимании в рамках развития международного режима защиты беженцев предполагается, в частности, обеспечить долгосрочное решение их проблемы. При этом в соответствии с положениями данного акта ни одна из сторон не принимает на себя обязательство обеспечить долгосрочное решение данной проблемы, будь то в форме добровольной репатриации, добровольной ассимиляции (интеграции) или переселения [16. С. 239]. Руанда обязуется принять на своей территории перемещенных лиц, ищущих убежища, но не предоставить им статус беженца и право постоянного пребывания. Таким образом, «перемещение» (англ. *relocation*) лиц по смыслу Меморандума о взаимопонимании не тождественно понятию «переселение» (англ. *resettlement*) по смыслу определений данного понятия, содержащихся в глоссарии УВКБ ООН¹⁴ и Международной организации по миграции¹⁵.

Пункт 11.1 Меморандума о взаимопонимании предусматривает возможность «возвращения (англ. *return*) перемещенных индивидов» на территорию Великобритании в случаях, когда данное государство «несет юридическое обязательство содействовать их возвращению». Однако такое юридическое обязательство не связано с долгосрочным решением их проблемы. Пункт 16.1 Меморандума о взаимопонимании предусматривает принятие дальнейших договоренностей о переселении (англ. *resettlement*) в Великобританию «наиболее уязвимых беженцев» (англ. *most vulnerable refugees*) с территории Руанды. Представляется, что данное положение не порождает для Великобритании никаких юридических или по-

¹⁴ UNHCR Master Glossary of Terms. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/glossary/#r> (Accessed: 06.11.2022).

¹⁵ International Migration Law. Glossary on Migration No. 34. Geneva, 2019. P. 184.

литических обязательств по обеспечению долгосрочного решения проблемы беженцев в силу положений самого Меморандума о взаимопонимании.

При этом долгосрочное решение проблемы беженцев в форме переселения или добровольной ассимиляции (интеграции) тесно связано с обязательством государств-участников Конвенции о статусе беженцев 1951 г. по возможности облегчать ассимиляцию и натурализацию беженцев (ст. 34). В доктрине добровольную ассимиляцию (интеграцию) и переселение беженцев непосредственно связывают с получением гражданства государства убежища [16. С. 244, 251]. Вопросы приобретения и утраты гражданства признаются относящимися к внутренней компетенции государства. Представляется, что по этой причине исследователи делают вывод об отсутствии обязательства государств осуществлять добровольную ассимиляцию (интеграцию) беженцев [16. С. 243]. Тем не менее, невозможно сделать вывод о том, что государства-участники Конвенции о статусе беженцев 1951 г. не связаны никакими обязательствами по добровольной (ассимиляции) беженцев, хотя их выполнение и обусловлено возможностями государства.

По смыслу преамбулы Меморандума о взаимопонимании его стороны намерены принимать во внимание обязательство соблюдать права человека и основные свободы для всех без какой-либо дискриминации. В науке международного права вопрос о «комплементарной» (дополнительной) защите прав беженцев является дискуссионным [15. С. 473]. Термин «комплементарная» (дополнительная) защита обозначает защиту прав беженцев, предусмотренных не только Конвенцией о правах беженцев 1951 г. и Протоколом о статусе беженцев 1967 г., но и иными универсальными и региональными международными актами [17. С. 2-3].

По смыслу положений Меморандума о взаимопонимании его стороны намерены обеспечивать выполнение обязательств,

предусмотренных нормами международного права защиты и поощрения прав человека, при осуществлении международного сотрудничества в соответствии с данной договоренностью. Таким образом, достижение объекта и целей данного акта невозможно без выполнения государствами обязательств по международному праву, предусмотренных нормами международно-правового института убежища, а также нормами международного права защиты и поощрения прав человека.

Международно-правовые обязательства Великобритании в области защиты беженцев

Великобритания является участником Конвенции о статусе беженцев 1951 г. с 1954 г.¹⁶, а участником Протокола, касающегося статуса беженцев 1967 г. – с 1968 г.¹⁷ Исследователи международно-правовых аспектов убежища отмечают, что государства-участники данных международных договоров, как правило, обязаны прежде всего рассматривать вопрос о предоставлении лицу, ищущему убежище, статуса беженца по смыслу Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [5. С. 18]. К исключениям из данного правила относятся случаи массового притока вынужденных мигрантов, на которые распространяется юридическая максима *ultra posse nemo obligatur* (никого нельзя обязать сверх его возможностей) [5. С. 17]. Принятая 14 декабря 1967 г. Декларация о территориальном убежище¹⁸ закрепила позицию государств о том, что случаи массового притока вынужденных мигрантов являются основанием для отказа в разрешении перехода границы, высылки или принудительного возвращения в страну, где лицо может подвергнуться преследованию. Данное основание может быть применено лишь по имеющим решающее значение соображениям национальной безопасности или в целях защиты населения.

Зарубежные юристы отмечают, что в любом случае не существует международно-правовых оснований для отказа в получении и регистрации заявлений о предоставлении

¹⁶ Convention relating to the Status of Refugees adopted on 28 July 1951. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=V-2&chapter=5&Temp=mtdsg2&clang=_en (Accessed: 03.12.2022).

¹⁷ Protocol relating to the Status of Refugees adopted on 31 January 1967. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=V-5&chapter=5&clang=_en (Accessed: 03.12.2022).

¹⁸ Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (Дата обращения: 03.12.2022).

убежища в связи с чрезвычайными или кризисными ситуациями [11. С. 128-129]. При этом получение и регистрация заявлений о предоставлении убежища не влечет за собой автоматическое предоставление убежища, поскольку последнее является правом, а не обязанностью государства.

Положения п. 2.1. Меморандума о взаимопонимании предусматривают обязательство Руанды получать и рассматривать заявления о предоставлении убежища индивидов, заявления которых «не находятся на рассмотрении» в Великобритании. Согласно ст. 77 и ст. 78 Закона Великобритании о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г.¹⁹ с изменениями, внесенными Законом о гражданстве и границах 2022 г., недопустимо перемещение индивидов в «безопасное третье государство» в момент рассмотрения их заявления о предоставлении убежища или в момент обжалования вынесенного по данному заявлению решения. На практике организация перемещения лиц, ищущих убежище, из Великобритании в Руанду осуществлялась независимо от процесса обжалования решения о предоставлении убежища. Хотя формально на момент перемещения внутренние средства защиты прав данных лиц были исчерпаны, действие решений органов государственной власти о перемещении лица в Руанду не приостанавливалось в момент обжалования решения об отказе в предоставлении убежища²⁰.

Согласно Заявлению о Новом плане по вопросам иммиграции, в отношении нелегальных мигрантов «на регулярной основе будет пересматриваться вопрос о перемещении с территории Великобритании». Данной категории лиц также будет предоставлена «временная защита вместо автома-

тического права пребывания (англ. *right to settle*)». При этом по данным Правительства Великобритании за 2021 г., гражданам 10 государств происхождения наибольшего числа лиц, подавших заявление о предоставлении убежища²¹, необходимо получение визы для законного въезда в государство²².

В правовом анализе, опубликованном в июне 2022 г., УВКБ ООН квалифицировало политику Великобритании в сфере иммиграции как наложение взыскания за незаконный въезд или незаконное пребывание беженцев на территории государства²³. Такие меры, принятые в отношении беженцев, без промедления явившихся к властям и представившим уважительные причины незаконного въезда, противоречат ст. 31 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.

Представляется, что рассматриваемые меры также представляют собой не вызванное необходимостью ограничение свободы передвижения вынужденных мигрантов. Хотя в юридической доктрине отмечается, что право индивида на свободу передвижения ограничено правом принимающего государства на создание собственного порядка и условий иммиграции [10. С. 97], представляется, что государство не вправе ограничивать данную свободу в части выбора нового государства назначения. В этом смысле едва ли возможно обосновать необходимость принудительного перемещения лиц из Великобритании в Руанду.

В доктрине международного права ведется дискуссия о том, противоречат ли визовые требования государств в отношении беженцев из определенных государств происхождения ст. 7 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. о предоставлении беженцам правового положения, которым вообще пользуются

¹⁹ Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/contents> (Accessed: 07.11.2022).

²⁰ The European Court grants urgent interim measure in case concerning asylum seeker's imminent removal from the UK to Rwanda. Press release issued by the registrar of the Court as of 14 June 2022. European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-7359967-10054452&filename=Interim%20measure%20granted%20in%20case%20concerning%20asylum-seeker%E2%80%99s%20imminent%20removal%20from%20the%20UK%20to%20Rwanda.pdf> (Accessed: 07.11.2022).

²¹ How many people do we grant asylum or protection to? National statistics. Gov.Uk. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-statistics-year-ending-december-2021/how-many-people-do-we-grant-asylum-or-protection-to#:~:text=2.-,Asylum%20applications,number%20for%20almost%20two%20decades.> (Accessed: 11.11.2022).

²² UK visa requirements (accessible version) updated 9 November 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-visa-requirements-list-for-carriers/uk-visa-requirements-for-international-carriers> (Accessed: 10.11.2022).

²³ UNHCR Analysis of the Legality and Appropriateness of the Transfer of Asylum Seekers under the UK-Rwanda arrangement as of 8 June 2022. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/publications/legal/62a317d34/unhcr-analysis-of-the-legality-and-appropriateness-of-the-transfer-of-asylum.html> (Accessed: 11.11.2022).

иностранцы, в случаях, когда Конвенцией не предусмотрено более благоприятное положение [15. С. 470]. Ученые указывают на то, что именно невыполнимые визовые требования подталкивают вынужденных мигрантов к согласию на незаконную перевозку в государство назначения [15. С. 472]. Исследователи миграционных процессов отмечают более общую закономерность, заключающуюся в том, что усиление пограничного контроля и требований к законному въезду мигрантов на территорию государства не останавливает миграцию, а усиливает ее «недокументированный характер» [2. С. 27].

Представляется, что различия в визовых требованиях в сочетании с введенной Великобританией миграционной политикой также приводят к дискриминации беженцев на основании государства происхождения, что противоречит ст. 3 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.: вынужденные мигранты, имеющие право на предоставление статуса беженца в соответствии с Конвенцией, не получившие в установленном порядке визу, не просто не получают данный статус, но и находятся под постоянной угрозой нарушения их прав человека и основных свобод. В отличие от них вынужденные мигранты из государств происхождения с безвизовым режимом, в равной степени отвечающие требованиям ст. 1 Конвенции о статусе беженцев, могут претендовать на такой статус без угрозы указанных выше нарушений.

В рамках правового анализа Меморандума о взаимопонимании УВКБ ООН также указывает на неоднократные случаи высылки беженцев с территории Руанды в нарушение ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. Поскольку положения Конвенции применяются экстерриториально, перемещение Великобританией вынужденных мигрантов в государство, где им угрожает высылка в государство, в котором они могут подвергнуться преследованию, надлежит квалифицировать как нарушение принципа невысылки, закрепленного Конвенцией.

Таким образом, представляется невозможным сделать вывод о соответствии современной политики Великобритании в сфере иммиграции ее обязательствам по международному праву в области защиты прав беженцев.

«Комплементарная» (дополнительная) защита прав беженцев в Великобритании

Представители юридической доктрины указывают на дискуссию о соотношении норм международного права защиты и поощрения прав человека и норм международно-правового института убежища, а также на предложение реформы последнего путем включения в статус беженца гарантий защиты и поощрения прав человека [15. С. 473]. В доктрине международного права высказывается мнение о том, что защита прав беженцев как таковая имеет цель обеспечить соблюдение прав человека данной категории иностранцев [14. С. 37]. Меморандум о взаимопонимании закрепляет позицию его сторон о том, что нормы международного права защиты и поощрения прав человека применимы к их международному сотрудничеству в соответствии с данной договоренностью.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляет обязательство государств-участников данного международного договора уважать и обеспечивать всем индивидам на их территории и в пределах их юрисдикции закрепленные в нем права, а также предоставлять эффективные средства правовой защиты в случае их нарушения (ст. 2). Государства обязаны выполнять данное обязательство с учетом принципа недискриминации. Отсутствие средств правовой защиты в случае применения к индивиду мер, предусмотренных Меморандумом о взаимопонимании, следует квалифицировать как нарушение ст. 2 МПГПП. При этом Великобритания не признает компетенцию Комитета по правам человека (далее – КПЧ) рассматривать индивидуальные сообщения на нарушение прав, предусмотренных МПГПП, не будучи участником Факультативного протокола к МПГПП 1966 г.

При ратификации Пакта Великобритания сделала оговорку о том, что она сохраняет за собой право «применять такое законодательство по вопросам иммиграции, которое она время от времени может посчитать необходимым, и, соответственно, принятие ...положений Пакта обусловлено положениями такого законодательства в отношении лиц, которые в настоящий момент не имеют права на въезд и пребывание на территории Великобритании в соответствии с ее законодательством»²⁴.

²⁴ International Covenant on Civil and Political Rights adopted in New York on 16 December 1966. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en#EndDec (Accessed: 12.11.2022).

Ни одно из государств не подало возражений относительно данной оговорки.

Следует тем не менее усомниться в соответствии оговорки, сделанной Великобританией, объекту и целям МПГПП. Представляется, что она позволяет произвольно исключить выполнение обязательств государства по Пакту в отношении лиц, которые незаконно въезжают и пребывают на территорию Великобритании. При этом нормы, закрепленные международными договорами о защите и поощрении прав человека, распространяются на индивидов независимо от их статуса [11. С. 126]. Сам МПГПП предусматривает перечень абсолютных прав человека, отступление от которых недопустимо даже во время чрезвычайного положения (ст. 4). Невозможно предположить, чтобы объекту и целям Пакта, а также отраслевому принципу недискриминации соответствовало принятие законодательства, а также осуществление иной деятельности или совершение иных действий (ст. 5), исключаящих защиту и поощрение прав человека лиц на основании их незаконного въезда или пребывания на территории государства. По смыслу ст. 4 МПГПП принятие таких мер допустимо только в случае чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется. В случае Великобритании такие меры лишь усугубляют дискриминацию между вынужденными мигрантами на основании законности их въезда на территорию государства, которое было рассмотрено в предыдущей части статьи.

Статья 9 МПГПП гарантирует каждому индивиду свободу и личную неприкосновенность. В частности, она закрепляет гарантии от лишения лица свободы, к примерам которой КПЧ относит и принудительную транспортировку²⁵. Перемещение лиц под юрисдикцией Великобритании в Руанду в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании осуществляется государством в принудительном порядке в отсутствие их свободного согласия, что представляется нарушением рассматриваемой статьи Пакта.

В современной юридической доктрине отмечают, что свобода передвижения и выбора места жительства (ст. 12 МПГПП) находится во взаимодействии с правом государства устанавливать порядок въезда и пребывания иностранных граждан и апатридов на своей территории. При этом указывается на то, что мигранты, наделенные определенным набором субъективных прав и обязанностей, должны их в основном сохранять и при перемещении в другую страну [9, С. 75]. Согласно позиции КПЧ, право свободно покидать страну пребывания, которое государства обязаны соблюдать вне зависимости от того, законно ли пребывание индивида на их территории, включает право лица самостоятельно выбирать государство назначения²⁶. Как было отмечено выше, при перемещении лиц в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании данное право ограничивается.

Исследователи международного права защиты и поощрения прав человека указывают на то, что наиболее часто вынужденные мигранты пользуются комплементарной защитой от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [18, С. 76]. Великобритания ратифицировала данную Конвенцию в 1988 г., сделав заявление о признании компетенции Комитета против пыток на рассмотрение межгосударственных, но не индивидуальных сообщений о нарушении обязательств по данному международному договору.

Таким образом, индивиды, находящиеся под юрисдикцией Великобритании, не имеют возможности воспользоваться универсальными механизмами защиты и поощрения прав человека, нарушенных мерами, принятыми в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании, даже исчерпав внутренние средства правовой защиты. Только государства могут поставить перед данными международными органами вопрос о соответствии принятых в Великобритании мер

²⁵ Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 35 «Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность)». Организация объединенных наций. URL: <https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=CCPR/C/GC/35&Lang=R> (Дата обращения: 12.11.2022).

²⁶ General Comment No. 27 (67) of the Human Rights Committee «Freedom of movement (article 12)». United Nations. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.9&Lang=en (Дата обращения: 12.11.2022).

ее обязательствам по МПГПП или Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

Заключение

Как отмечает Дж. Крауфорд, «в некоторых случаях на международное право ссылаются, но как будто во все более враждебном ключе, что равносильно разговору глухих. В других случаях международным правом скрыто или явно пренебрегают» [12. С. 1]. Представляется, что Меморандум о взаимопонимании является одним из примеров подобного пренебрежения нормами международного права, несмотря на содержащиеся в нем упоминания предусмотренных данными нормами обязательств государств. Анализ содержания Меморандума о взаимопонимании приводит к выводу о его несоответствии нормам международно-правового института убежища и международного права защиты и поощрения прав человека. Таковую разновидность международно-правовой политики государств следует охарактеризовать как один из примеров отрицания международного права, обозначаемого в науке международного права термином «международно-правовой нигилизм» [1. С. 7]. Данная форма международно-правового нигилизма является скрытой, поскольку меры, предусмотренные Меморандумом о взаимопонимании, фактически направлены на ограничение прав индивидов, но формально призваны способствовать защите данных прав.

Исследователи международного права указывают на то, что практика государств может стать нормой международного права после ее правового признания²⁷ в международном обычае или закрепления в международном договоре [7. С. 187-188]. Представляется, что практика государств в области защиты прав вынужденных мигрантов может влиять и на толкование их обязательств,

предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев 1951 г., Конвенцией о статусе апатридов 1954 г. и международными договорами о защите и поощрении прав человека, в качестве последующей практики по смыслу ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Таким образом, меры, принятые Великобританией и другими государствами, связанные с принудительным перемещением лиц, ищущих убежище на территории третьих государств, могут иметь существенное нормативное значение в международном праве.

Хотя сразу после заключения Меморандума о взаимопонимании были опубликованы официальные заявления универсальных и региональных международных органов и должностных лиц, не удается найти официальных заявлений государств, содержащих их позицию в отношении данной договоренности. В отечественной доктрине отмечается, что как наличие, так и отсутствие последовательных протестов государств в отношении практики других государств имеет нормативные последствия, поскольку является свидетельством их *opinio juris sive necessitatis* [4. С. 18]. Поскольку вопросы правового положения населения признаются относящимися к внутренней компетенции государств, позиция последних, а не международных органов и должностных лиц, имеет последствия для кодификации и прогрессивного развития международного права в данной области.

Таким образом, дальнейшее принятие мер политико-правового характера в сфере иммиграции, противоречащих обязательствам государств, предусмотренным международными договорами и международным обычаем, а также отсутствие официальных заявлений о позиции государств в отношении таких мер могут повлиять на толкование и применение норм современного международного права, регулирующих правовое положение вынужденных мигрантов.

Литература:

1. Абашидзе А.Х., Остроухов Н.В. Международно-правовой нигилизм в межгосударственных отношениях, вступающих в многополярный мир // Правовое видение развития России. Уфа, 2022. С. 5-20.

²⁷ Под «правовым признанием» мы понимаем выражение *opinio juris sive necessitatis* или согласия на обязательную силу международных договоров государств.

2. С. Каслс, Х. де Хаас, М. Дж. Миллер. Век миграции: международное движение населения в современном мире. М., 2022.
3. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 21-37.
4. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 5-29.
5. Киселева Е.В. Временная и дополнительная защита по современному международному праву // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2017. № 1. С. 16-20.
6. Клименко Б.М. Суверенитет правового государства // Московский журнал международного права. 2000. № 3. С. 15-22.
7. Ромашев Ю.С., Остроухов Н.В. Практика как основа формирования международного обычая // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 186-199.
8. Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 1: Общие вопросы. М., 2009.
9. Ястребова А.Ю. Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1(56). С. 74-82.
10. Ястребова А.Ю. Право индивида на миграцию: отдельные международно-правовые аспекты и их соотношение с национальным регулированием // Права человека в международном и национальном праве. М., 2015. С. 91-101.
11. Cantor D. et al. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law // International Journal of Refugee Law. 2022. Vol. 34. № 1. P. 120-156.
12. Crawford J. The current political discourse concerning international law // The Modern Law Review. 2018. Vol. 81. № 1. P. 1-22.
13. Francioni F. The rights of access to justice under customary international law // Access to justice as a human right. Oxford, 2007. P. 1-56.
14. Goodwin-Gill G.S. The international law of refugee protection // The Oxford handbook of refugee and forced migration studies. 3 ed. 2014. P. 36-47.
15. Grundler M. 'Treatment Accorded to Aliens Generally': Article 7 (1) of the 1951 Refugee Convention as a Basis for Visa-Free Access to States Parties' Territory? An Examination of the Prohibition of Nationality Discrimination in the Refugee Convention // International Journal of Refugee Law. 2021. Vol. 33. № 3. P. 469-496.
16. Hovil L., Maple N. Local Integration: A Durable Solution in need of Restoration? // Refugee Survey Quarterly. 2022. Vol. 41. № 2. P. 238-266.
17. McAdam J. Complementary Protection in International Refugee Law. Oxford, 2007. 336 p.
18. Ní Ghráinne B. Complementary protection and encampment // Human Rights Law Review. 2021. Vol. 21. № 1. P. 54-79.

INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF THE POST-BREXIT MIGRATION POLICY OF THE UNITED KINGDOM

Introduction. In March 2022, the Home Office of the United Kingdom of Great Britain published the Statement on New Immigration Plan according to which persons having no right to reside on its territory would be removed to "safe third countries" according to the agreements with such states. On April 13th, 2022, a Memorandum of Understanding between Great Britain and Rwanda was signed prescribing that persons whose applications for asylum were not considered by Great Britain be removed to Rwanda for those applications to be considered by the latter. Incompatibility of the contemporary immigration policy of Great Britain with its international law obligations justifies the topicality of the assessment of its implications for codification and progressive development of international law.

Materials and Methods. The assessment of the contemporary immigration policy of Great Britain from the standpoint of international law includes the matching of the provisions of the international and national acts adopted by Great Britain as well as official statements of its state bodies and officials and the provisions of universal treaties and "soft law" acts. The writings of the publicists studying international law aspects of forced migration, asylum and human rights served as theoretical framework of the present study.

Research Results. The assessment of the Memorandum of Understanding reveals the incompatibility of its provisions with the international law norms on asylum and human rights. Such international law policy of the state should be regarded as an ex-

ample of rejection of international law which is referred to as "international law nihilism" in Russian legal doctrine.

Discussions and conclusions. The authors argue that further adoption of legal and political measures contrary to states' obligations under treaties and international custom as well as the absence of expressed official positions of states with regards to such measures may have an impact on construction and application of international law norms governing legal status of forced migrants.

Dmitry V. Ivanov,
PhD in Law, Associate Professor,
International Law Department, Moscow State
Institute of International Relations (University)
MFA of Russia

Valeria V. Pchelintseva,
Postgraduate Student, International Law
Department, Moscow State Institute
of International Relations (University) MFA
of Russia

Ключевые слова:

иммиграция, Великобритания, Руанда, международное право, институт убежища, беженцы, права человека, дополнительная защита, «безопасное третье государство»

Keywords:

immigration, United Kingdom, Rwanda, international law, asylum law, refugee law, human rights, complementary protection, safe third country

References:

1. Abashidze A.H., Ostrouhov N.V., 2022. Mezhdunarodno-pravovoj nigilizm v mezhgosudarstvennyh otnoshenijah, vstupajushhij v mnogopoljarnyj mir [International Law Nihilism in Interstate Relations Entering the Multipolar World]. *Pravovoe videnie razvitiya Rossii [Legal Perspective of the Development of Russia]*. Ufa. P. 5-20.
2. S. Castles, H. de Haas, M. J. Miller, 2022. Vek migracii: mezhdunarodnoe dvizhenie naselenija v sovremennom mire [Century of Migration: International Movement of Population in Modern World]. Moscow.
3. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P., 2016. Ponjatie «mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva» [The Notion of "International Law Policy of a State"]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 4. P. 21-37.
4. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A., 2012. Znachenie mezhdunarodnogo obyčaja v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. №. 2. P. 5-29.
5. Kiseleva Ye.V., 2017. Vremennaja i dopolnitel'naja zashhita po sovremennomu mezhdunarodnomu pravu [Temporary and subsidiary Protection according to Modern International Law]. *Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er» [Electronic Network Edition "International Legal Courier"]*. № 1. P. 16-20.
6. Klimenko B.M., 2000. Suverenitet pravovogo gosudarstva [Sovereignty of a Rule of Law State]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. №. 3. P. 15-22.
7. Romashev Yu.S., Ostrouhov N.V., 2017. Praktika kak osnova formirovanija mezhdunarodnogo obyčaja [Practice as the basis of Formation of International Custom]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. № 2. P. 186-199.
8. Talalayev A.N., 2009. Pravo mezhdunarodnyh dogovorov. T. 1: Obshhie voprosy [International Treaty Law. Vol. 1. General Aspects]. Moscow.
9. Yastrebova A.Yu., 2019. Zashhita vynuždennyh migrantov v uslovijah vooruzhennyh konfliktov: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Protection of Forced Migrants during Armed Conflicts: International Law Aspects]. *Puti k miru i bezopasnosti [Paths towards Peace and Security]*. № 1(56). P. 74-82.
10. Yastrebova A.Yu., 2015. Pravo individa na migraciju: otdel'nye mezhdunarodno-pravovye aspekty i ih sootnoshenie s nacional'nym regulirovanijem [Individual Right to Migration: Certain International Law Aspects and their Correlation with National Regulation]. *Prava cheloveka v mezhdunarodnom i nacional'nom prave [Human Rights in International and National Law]*. Moscow, P. 91-101.
11. Cantor D. et al., 2022. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 34. №. 1. P. 120-156.
12. Crawford J., 2018. The current political discourse concerning international law. *The Modern Law Review*. Vol. 81. № 1. P. 1-22.
13. Francioni F., 2007. The rights of access to justice under customary international law. *Access to justice as a human right*. Oxford, P. 1-56.
14. Goodwin-Gill G.S., 2014. The international law of refugee protection. *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies*. 3 Ed. P. 36-47.

15. Grundler M., 2021. 'Treatment Accorded to Aliens Generally': Article 7 (1) of the 1951 Refugee Convention as a Basis for Visa-Free Access to States Parties' Territory? An Examination of the Prohibition of Nationality Discrimination in the Refugee Convention. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 33. № 3. P. 469-496.
16. Hovil L., Maple N., 2022. Local Integration: A Durable Solution in need of Restoration? *Refugee Survey Quarterly*. Vol. 41. № 2. P. 238-266.
17. McAdam J., 2007. *Complementary Protection in International Refugee Law*. Oxford.
18. Ní Ghráinne B., 2021. Complementary protection and encampment. *Human Rights Law Review*. Vol. 21. № 1. P. 54-79.

ЮРИДИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сюзанна Адамянц*

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-47-54

Введение. Пределы правового регулирования общественных отношений являются предметом исследований как представителей общей теории права и государства, так и отраслевых юридических дисциплин. Вместе с тем, в юридической литературе даются противоречивые оценки наблюдаемой в настоящее время тенденции расширения пределов правового регулирования и вызванной ей юридификации российского общества. В связи с изложенным, такие понятия как «пределы правового регулирования», «юридификация общества» и «универсализация права» нуждаются в глубоком исследовании, которое бы сочетало как онтологический аспект их анализа, так и те реалии, которые обуславливают специфику существования любой правовой системы.

Материалы и методы. Представленное исследование основывается на применении как общенаучных, так и частнонаучных методов научного познания: диалектического, системного, структурно-функционального, формально-юридического, сравнительно-правового и т.д. Особое внимание уделялось анализу как нормативно-правовых актов, так и правоприменительной деятельности, которую автор рассматривает через призму социально-обусловленного расширения пределов правового регулирования.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования была проанализирована природа и сущность юридификации современного российского общества, которая рассматривается как форма институционализации расширения пределов правового регулирования. На примере различных нормативно-правовых актов и правоприменительной активности органов публичной власти была продемонстрирована социальная обусловленность и востребованность правовой регламентации тех сфер жизнедеятельности российского общества, которые традиционно находились вне пределов правового регулирования.

Обсуждение и заключение. Обосновывается позиция, согласно которой юридификация общества во многом объясняется диалектикой существования личных, общественных и государственных интересов. Расширение пределов правовой регламентации общественных отношений представляется неизбеж-

* **Адамянц Сюзанна Тиграновна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России
e-mail: syuzanna.adamyants@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-9267-857X

ным в силу как самого их развития, так и тех вызовов и угроз, с которыми сталкивается в настоящее время российская государственность. Вместе с тем, автор настаивает на том, что правовое регулирование в силу самой своей сущности предполагает сосуществование с иными социальными нормами и пределы правового регулирования являются своеобразным предохранителем права от неэффективности, гарантией его легитимности и способности поддерживать баланс в системе общественных отношений.

Введение

Расширение сферы правового регулирования как достаточно ярко выраженная тенденция развития современного общества привлекает к себе внимание широкого круга исследователей – представителей общей теории права и государства, отдельных отраслевых юридических наук, равно как и политологов, социологов, экономистов.

Вместе с тем в последнее время все большее количество специалистов позиционируют данную тенденцию как *проблему*, связанную с тем, что право начинает регламентировать, формализовывать те сферы жизнедеятельности общества, равно как и ту активность участников общественных отношений, которая традиционно находилась вне сферы государственно-правового воздействия, вне позитивной регуляции со стороны субъектов публичной власти.

Обозначенная тенденция расширения сферы правового регулирования, присущая как российской, так и многим другим правовым системам, институционализируется в *юридификации* современного общества, которая требует пристального анализа как с точки зрения ее сущности, так и причин, обусловивших ее развитие.

Исследование

Традиционно под юридификацией общества понимают тенденцию, ставшую практически атрибутивной развитию современных правовых систем, и заключающуюся в увеличении количества как нормативно-правовых, так и правоприменительных актов, равно как и иных источников права, регламентирующих различные стороны общественных отношений [2. С. 194].

О юридификации как о процессе увеличения количества законов еще более десяти лет назад писал Н.А. Колоколов, связывая данный процесс с тем, что люди все чаще прибегают к праву и закону как средству

разрешения споров и урегулирования взаимоотношений [7. С. 118], что с неизбежностью вызывает рост не только нормативно-правовой базы, но количества юристов, активно предлагающих свои услуги [12. С. 10].

В связи с отмеченным выше В.В. Денисенко справедливо констатирует, что увеличение количества позитивного права является неизбежным спутником развития современной цивилизации и актуально не только для России [3], что и объясняет весьма нетривиальную терминологию некоторых специалистов, обозначающих данную тенденцию как «правовой взрыв» или даже «правовое наводнение» [1]. Достаточно интересно отдельными авторами юридификация трактуется не просто как увеличение количества правовых предписаний, но как неконтролируемый, некоординируемый, произвольный процесс их роста [11].

Безусловно, юридификация современного общества и ее имманентность развитию любых правовых систем, в том числе и российской, может быть объяснена целым рядом *причин*:

1. *Усложнением* общественных отношений и, как следствие, приемлемых форм сосуществования интересов личности, общества и государства, координировать которые и призвано право, будучи наиболее эффективной и легитимной формой регулирования социальных процессов.

2. Появлением *новых* разновидностей общественных отношений и очевидной необходимостью регламентации форм и способов реализации интересов их участников. Лишь к некоторым из подобных сфер, к примеру, можно отнести цифровизацию финансово-экономических отношений, образования, сферы услуг; суррогатное материнство; использование искусственного интеллекта в медицине, государственном управлении, правоприменительной деятельности и т.д.

3. *Неспособностью* участников общественных отношений самостоятельно урегулировать возникающие разногласия, связан-

ные с реализацией их интересов вне правовой регламентации, которая и выражается в трансформации отношений в правоотношения, социальных интересов в правовые дозволения – субъективные права, свободы и законные интересы [8; 9].

Помимо обозначенных причин считаем, что юридификация современного российского общества во многом обусловлена теми *вызовами и угрозами*, с которыми в настоящее время сталкивается Россия и которые объясняются как субъективными факторами, так и объективной динамикой мирового развития.

В отмеченной связи следует обратить внимание на целый ряд важнейших нормативно-правовых актов, которые не только обозначают данные вызовы и угрозы, но и предлагают конструктивные пути дальнейшего устойчивого развития России вопреки возникающим препятствиям.

Так, достаточно бурную общественную дискуссию вызвал Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, в котором получают как правовую оценку, так и *регламентацию* отдельные общественные отношения, до принятия настоящего указа находившиеся *вне* прямого внимания субъектов правотворческого процесса.

Конкретизируя отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации², рассматриваемый указ Президента РФ в п. 4 закрепляет само *понятие* традиционных ценностей российского общества, определяя их как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и куль-

турном развитии многонационального народа России»³.

Вслед за Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, данный указ Президента РФ к традиционным ценностям российского общества относит «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России»⁴.

В связи с этим можно отметить, что *впервые* на уровне нормативно-правовой регламентации были отражены ключевые скрепы российского общества, которыми и являются его традиционные духовно-нравственные ценности и обозначены *правовые механизмы* их охраны и защиты.

Впервые правовое регулирование затронуло *осмысление* происходящих в мире социальных, культурных и технологических процессов через призму исторического опыта России, менталитета ее народа и ценностей христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, которые также провозглашены неотъемлемой частью российского духовного наследия.

Впервые в новейшей истории духовно-нравственные ценности являются непосредственным и официально провозглашенным объектом *государственной* политики Российской Федерации, а социокультурные угрозы позиционируются в качестве наиболее актуальных вызовов ее национальной безопасности.

Таким образом, государственная политика Российской Федерации, реализуемая посредством *юридического* инструментария и направленная на сохранение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, представ-

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.11.2022г.).

² См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.11.2022г.).

⁴ Там же.

ляет собой не что иное, как *расширение пределов* правового регулирования.

Объективно оценивая место России в современном мире в эпоху глобальной переоценки ценностей [4; 5], государственная политика подвергает правовой регламентации процессы, связанные с совершенствованием системы государственной поддержки проектов в области культуры и образования, с противодействием рискам, вызванным распространением деструктивной идеологии в информационном пространстве, с формами и методами воспитания и образования детей и молодежи, с деятельностью научных, образовательных, просветительских и иных организаций по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории.

Другими словами, такие понятия, как «духовно-нравственная ценность», «деструктивная идеология», «историческая память», «образ Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей», «традиционная семейная ценность» и другие важнейшие для развития любого народа ценности переходят из разряда общесоциальных в правовые, становясь непосредственным объектом не просто правового воздействия, но именно *правового регулирования*.

Сказанное является достаточно ярким подтверждением т.н. специализации законов и иных источников права, которую различные специалисты относят к важнейшим признакам юридикализации общества и универсализации правового регулирования.

Таким образом можно прийти к выводу, что именно угрозы и вызовы, способные препятствовать дальнейшему гармоничному развитию России, в значительной степени объясняют необходимость более пристального, детального правового регулирования как обозначенных выше, так и многих других процессов.

Именно реалии современного мира, среди которых вызовы и угрозы динамичному развитию России и ее национальным интересам занимают ключевое место, обусловили принятие и целого ряда других важнейших нормативно-правовых актов, предметом регулирования которых также выступают общественные отношения, тра-

диционно находившиеся *вне* пределов правовой регламентации.

Так, Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»⁵, подчеркивая обострение противоречий, связанных с неравномерностью мирового развития, разрывом в уровне благосостояния как государств, так и отдельных слоев населения, глобальной конкуренцией за практически все доступные ресурсы, в качестве приоритетных задач внешнеполитической деятельности России позиционирует предотвращение цивилизационных разломов, формирования конструктивных отношений между государствами, различными культурами и религиями.

Для решения указанных выше и других задач, внешнеполитическая деятельность России предусматривает использование в том числе и сугубо *юридических* механизмов для укрепления места нашего государства в мировом гуманитарном пространстве, усиления российского присутствия в мировой торговле, регулирования миграционных процессов, реализации интересов государства при осуществлении международных экономических отношений, использования своего уникального географического положения в организации международной транспортной логистики и способствования увеличению как пассажиропотока, так и транспортных перевозок с использованием отечественной инфраструктуры.

Концепция внешней политики Российской Федерации предусматривает использование юридических механизмов для защиты интересов российских граждан за рубежом, консолидации соотечественников, проживающих за пределами государства, гуманизации систем социального обеспечения, способствования изучению и популяризации русского языка, развития гуманитарных связей славянских народов, формирования позитивного имиджа России на международной арене.

Иными словами, общественные отношения, связанные как с террористической и экстремистской деятельностью, так и осуществлением гуманитарного сотрудничества, как с укреплением обороноспособности России, так и формированием ее позитивного имиджа в глазах мирового со-

⁵ См.: Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2016. № 49. Ст. 6886.

общества являются предметом правового регулирования.

Парадокс заключается в том, что сложившиеся политико-правовые, социально-экономические, равно как и культурно-идеологические реалии свидетельствуют о том, что подобное расширение пределов правового регулирования и производная юридикация российского общества не является чем-то искусственным, навязанным «сверху» и выгодным лишь субъектам публичной власти для реализации каких-либо корпоративных интересов.

Сама социальная жизнь с присущей ей современной динамикой и особенностями все теснее связывает себя с *правовой жизнью*, юридическими средствами и механизмами, обеспечивающими требуемые условия ее протекания.

Сказанное объясняет социальную востребованность и обусловленность конкретно-историческими условиями, к примеру, Указа Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 (в ред. от 26.05.2021) «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания»⁶, который предусматривает создание в качестве самостоятельного подразделения Администрации Президента Российской Федерации Управления Президента РФ по общественным проектам, которое призвано обеспечить реализацию Президентом РФ политики в области как воспитания, так и патриотического воспитания детей и молодежи. Таким образом, правовая регламентация определенной деятельности в сфере как организации, так и информационного сопровождения воспитательно-патриотической работы с молодежью также становится предметом правового регулирования, что характерно не только для России, но и для подавляющего большинства т.н. развитых государств современного мира.

Проведение специальной военной операции, направленной на демилитаризацию и денацификацию Украины, также во многом объясняет необходимость и социальную

обусловленность весьма серьезных темпов юридикации российского общества в целом и отдельных сфер общественной жизни, в частности.

Так, вряд ли вызывает сомнения очевидная необходимость в принятии таких нормативно-правовых актов, как, к примеру, Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁷ или Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 308 (ред. от 26.03.2022) «О поддержке российских организаций и индивидуальных предпринимателей, пострадавших от введения ограничительных мер со стороны иностранных государств»⁸.

Вместе с тем данные нормативно-правовые акты напрямую затрагивают определенные права и свободы граждан в сфере свободы слова и самовыражения (упомянутым федеральным законом вводится уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан), равно как и основы функционирования рыночных экономических систем (указанное постановление Правительства РФ направлено на поддержку импортозамещения и оказание государственных гарантий пострадавшим от санкций субъектам экономической деятельности).

Вновь мы сталкиваемся с тем, что складывающиеся определенным образом реалии объясняют *необходимость* расширения пределов правового регулирования для обеспечения национальных интересов и безопасности России.

Помимо сказанного, считаем необходимым подчеркнуть, что к расширению пределов правового регулирования и юридикации современного общества следует относить не только правотворческую регла-

⁶ См.: Указ Президента РФ от 20.10.2012 № 1416 (ред. от 26.05.2021) «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» // Собрание законодательства РФ. 22.10.2012. № 43. Ст. 5817.

⁷ См.: Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 1952.

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 308 (ред. от 26.03.2022) «О поддержке российских организаций и индивидуальных предпринимателей, пострадавших от введения ограничительных мер со стороны иностранных государств» // Собрание законодательства РФ. 14.03.2022. № 11. Ст. 1702.

ментацию отдельных социальных процессов, но и тесно с ней связанную активизацию *правоприменительной* деятельности.

С одной стороны, без эффективной правоприменительной деятельности любая нормотворческая регламентация общественных отношений будет представлять собой формальное декларирование требуемого варианта поведения без установленных действенных механизмов реализации воли субъектов правотворчества. С другой стороны, правоприменительная деятельность, будучи властной и компетентной активностью достаточно широкого круга соответствующих субъектов, не должна подменять правотворчество, искажать волю его субъектов в угоду сложившимся определенным образом факторов и обстоятельств.

Тем не менее, считаем вполне обоснованным полагать, что правоприменительная активность как судебных инстанций, так и, в значительной степени, органов исполнительной власти, иных структур, наделенными исполнительно-распорядительными полномочиями, также существенно влияет на темпы и масштабы юридификации, равно как и на пределы правового регулирования.

Военно-техническое, политико-экономическое и духовно мировоззренческое противостояние России и стран т.н. коллективного Запада объясняет необходимость правоприменителя выходить за рамки привычной административной деятельности и координировать новые социально-экономические процессы. Достаточно ярким примером сказанному может служить перечень поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам заседания Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей, состоявшегося 27 июня 2022 года.

Так, Правительству РФ поручается организовать работу по полному государственному финансированию производства и проката национальных художественных (игровых) фильмов для детей и юношества, обеспечить начиная с 2023–24 учебного года введение во всех профессиональных образовательных организациях субъектов Российской Федерации должности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями

в целях формирования единой воспитательной среды и вовлечения молодежи в общественно-полезную деятельность⁹.

Таким образом, формирование определенной воспитательной среды в обществе, содержание художественных фильмов для детей и юношества, общественно-полезная деятельность молодежи выступает предметом правовой регламентации как посредством соответствующей правотворческой, так и напрямую с ней связанной правоприменительной деятельности.

Вместе с тем, полагаем, что данная деятельность также является в полной мере социально-обусловленной и направленной на сохранение как самих основ российского общества, так и национального суверенитета России, как бы это не интерпретировалось прозападно настроенными «диванными экспертами».

В отмеченной связи мы разделяем точку зрения Г.Б. Романовского, который ведет речь о неизбежности изменения гуманитарных принципов в системе правовых ценностей и необходимости *юридификации* выявляемых в обществе *моральных проблем* [10. С. 37].

В тоже время, нельзя не согласиться и с позицией Е.С. Зайцевой, которая справедливо подчеркивает, что эффективность правового регулирования во многом зависит именно от правильного установления его границ, к которым автор относит как пределы сферы правового регулирования, так и пределы предмета правового регулирования [6. С. 59].

Заключение

Изложенное выше позволяет прийти к ряду *выводов*.

Расширение пределов правового регулирования и тесно с ним связанная юридификация современного российского общества объясняется диалектикой существования личных, общественных и государственных интересов.

С одной стороны, правовая регламентация общественных отношений представляется неизбежной в силу как самого их развития, так и тех вызовов и угроз, с которыми сталкивается современное российское общество и российская государственность.

⁹ См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69622> (дата обращения: 10.10.2022 г.).

С другой стороны, правовое регулирование в силу своей сущности предполагает сосуществование с *иными* социальными нормами и регламентацию лишь определенных общественных отношений, что и должно получить объективное отражение в процессе правообразования. В противном случае расширение пределов правового регулирования, какой бы качественной юридической техникой не обеспечивалась сопутствующая ему юридикация, будет означать снижение эффективности предусмотренных для воздействия на общественные отношения юридических средств и размывание потен-

циала права как наиболее действенного социального регулятора.

Пределы правового регулирования – это своеобразный предохранитель права от неэффективности, гарантия его легитимности и способности адекватно отразить интересы личности, общества и государства. Органы публичной власти вправе и, в определенных случаях, обязаны определять тенденцию существования данных пределов, но делать это осмотрительно, не подменяя правовыми средствами иные формы и способы общественной саморегуляции.

Литература:

1. Беляев М.А. Модель развития права: от «эволюции» к «взрыву» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. 2016. № 3. С. 9-20.
2. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): монография. М., 2022.
3. Денисенко В.В. Юридикация общества как научная проблема современной правотворческой техники // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 159-162.
4. Енгибарян Р.В. Многоликая демократия: время переоценки ценностей // Международная жизнь. 2017. № 9. С. 90-98.
5. Енгибарян Р.В. Нравственность и политика: совместимы ли они в России // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55). С. 3-5.
6. Зайцева Е.С. Установление пределов правового регулирования в правоприменении // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 59 - 70.
7. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007.
8. Малько А.В., Субочев В.В. Гарантии осуществления законных интересов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6 (275). С. 138-148.
9. Малько А.В., Субочев В.В. Правовая политика в сфере реализации законных интересов // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 2. С. 8-14.
10. Романовский Г.Б. Конституция России: новые угрозы и новые перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 37 - 41.
11. Скоробогатов В.Ю. Саморегулирование: границы применимости понятия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 3 - 7.
12. Galanter M. Law Abounding: Legislation around North Atlantic // Modern Law Review. 1992. № 55. P. 4-15.

JURIDIFICATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY AND THE LIMITS OF LEGAL REGULATION: GENERAL THEORETICAL ASPECT OF RESEARCH

Introduction. *The limits of legal regulation of social relations is the subject of research of representatives of the general theory of law and state, as well as of the representatives of branch legal disciplines. At the same time, the legal literature gives conflicting assessments of the currently observed trend of expanding limits of legal regulation and the legalization of Russian society which is caused by it. In con-*

nection with the foregoing, such concepts as "limits of legal regulation", "juridification of society" and "universalization of law" need a deep study that would combine both the ontological aspect of their analysis and those realities that determine the specifics of the existence of any legal system.

Materials and methods. *The presented research is based on the application of both general scientific*

and particular scientific methods of scientific investigation: dialectical, systemic, structural-functional, formal-legal, comparative-legal, etc. Particular attention was paid to the analysis of both normative legal acts and law enforcement activities, which the author considers through the prism of a socially determined expansion of the limits of legal regulation.

The results of the study. In the course of the study, the nature and essence of the juridification of modern Russian society was analyzed, which is seen as a form of institutionalization of expanding limits of legal regulation. On the example of various legal acts and law enforcement activity of public authorities, the social conditionality and relevance of the legal regulation of those spheres of life of the Russian society that were traditionally outside the legal regulation were demonstrated.

Discussion and conclusion. The position is substantiated, according to which the juridification

of society is largely explained by the dialectics of the existence of personal, public and state interests. The expansion of the limits of legal regulation of social relations seems inevitable due to both their very development and the challenges and threats that the Russian state is currently facing. At the same time, the author insists that legal regulation, by its very nature, implies coexistence with other social norms and the limits of legal regulation are a kind of protection of law from inefficiency, a guarantee of its legitimacy and ability to maintain balance in the system of social relations.

Syuzanna T. Adamyants,
Candidate of Legal Sciences, Senior
Lecturer of English Language Department
№ 6, MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

пределы правового регулирования, юридикация, правовое средство, легитимность права, национальная безопасность, государственность, духовно-нравственные ценности, государственная политика

Keywords:

limits of legal regulation, juridification, legal means, legitimacy of law, national security, statehood, spiritual and moral values, public policy

References:

1. Belyaev M.A., 2016. Model' razvitiya prava: ot «evolucii» k «vzryvu» [Model of development of law: from "evolution" to "explosion"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Legal Sciences]*. № 3. P. 9-20.
2. Denisenko V.V., 2022. Legitimnost' prava (teoretiko-pravovoe issledovanie [Legitimacy of law (theoretical and legal research)]. Moscow.
3. Denisenko V.V., 2012. Yuridifikaciya obshchestva kak nauchnaya problema sovremennoj pravotvorcheskoj tekhniki [Juridification of society as a scientific problem of modern law-making technology]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*. № 6. P. 159-162.
4. Engibaryan R.V., 2017. Mnogolikaya demokratiya: vremya pereocenki cennostej [Many Faces of Democracy: Time of Reassessment of Values]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*. № 9. P. 90-98.
5. Engibaryan R.V., 2020. Nравstvennost' i politika: sovместимы ли они в России [Morality and Politics: Are They Compatible in Russia]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. Т. 16. № 2 (55). P. 3-5.
6. Zajceva E.S., 2021. Ustanovlenie predelov pravovogo regulirovaniya v pravoprimenenii [Establishment of the limits of legal regulation in law enforcement]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 4. P. 59 - 70.
7. Kolokolov N.A., 2007. Sudebnaya vlast' kak obshchepравovoj fenomen [Judicial power as a general legal phenomenon]. Moscow.
8. Mal'ko A.V., Subochev V.V., 2007. Garantii osushchestvleniya zakonnyh interesov [Guarantees for the implementation of legitimate interests]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*. № 6 (275). P. 138-148.
9. Mal'ko A.V., Subochev V.V., 2007. Pravovaya politika v sfere realizacii zakonnyh interesov [Legal policy in the sphere of realization of legitimate interests]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]*. № 2. P. 8-14.
10. Romanovskij G.B., 2021. Konstituciya Rossii: novye ugrozy i novye perspektivy [The Constitution of Russia: new threats and new prospects]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. № 12. P. 37 - 41.
11. Skorobogatov V.YU., 2014. Samoregulirovanie: granicy primenimosti ponyatiya [Self-regulation: limits of applicability of the concept]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom [Civil society in Russia and abroad]*. № 4. P. 3 - 7.
12. Galanter M., 1992. Law Abounding: Legislation around North Atlantic. *Modern Law Review*. № 55. P. 4-15.

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ РАБОТОЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Алексей Кирсанов*
Ульяна Костылева**

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-55-61

***Введение.** Появление правоотношений с участием искусственного интеллекта, интенсивное развитие систем искусственного интеллекта, автономность действия данных технологий и невозможность признания искусственного интеллекта субъектом правоотношений для привлечения его к ответственности за причиненный ущерб сформировали вопрос о необходимости определения субъектов, подлежащих ответственности за ущерб, явившийся результатом деятельности искусственного интеллекта.*

Целью настоящей статьи является выявление условий и оснований ответственности за ущерб, явившийся результатом деятельности искусственного интеллекта.

***Материалы и методы.** Достижение поставленной цели было достигнуто в процессе изучения теоретического и практического опыта разработки и применения технологий искусственного интеллекта, а также изучения зарубежного опыта в сфере деликтных обязательств в правоотношениях с участием искусственного интеллекта. Методологическую основу исследования составили методы: обобщение, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-правовой анализ.*

***Результаты исследования.** Представлен анализ возможных оснований ответственности, таких как умышленное причинение ущерба, небрежность и доктрина строгой ответственности.*

***Обсуждение и заключение.** Изложены предложения по правовому регулированию отношений с искусственным интеллектом в контексте возникновения деликтных обязательств, в частности – введение специализированных ОКВЭДов для деятельности по разработке и применению технологий искусственного интеллекта, создание специализированного фонда страхования, государственная регистрация систем искусственного интеллекта.*

* **Кирсанов Алексей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов, Россия
e-mail: aleksey-kirsanov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8382-3544

** **Костылева Ульяна Владимировна**, студент Юридического института Российского университета дружбы народов, Россия
e-mail: uliana.kostyleva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2619-5120

Введение

Современные технологии уже стали частью нашей жизни – крупные компании активно внедряют системы искусственного интеллекта (далее также – ИИ) для более эффективной обработки Больших данных, на дорогах появляются автомобили беспилотники, на «умных» заводах – промышленные роботы (здесь и далее под роботом будет пониматься «умный робот», наделенный технологией искусственного интеллекта). При этом остро стоит вопрос о введении таких технологий в правовое поле. Среди основных проблем, возникающих в связи с распространением систем искусственного интеллекта, выделяют проблемы защиты персональных данных, правосубъектности ИИ, правового режима охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ в автономном режиме, а также проблема ответственности за ущерб, причиненный искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект принято делить на сильный (или общий ИИ - *General AI*) и слабый (или узкий - *Narrow AI*) [10. С. 35]. Основным критерием является круг способностей, которыми обладает ИИ. Так, слабый ИИ способен выполнять лишь ограниченный круг однотипных задач – такими были первые модели ИИ, знаменитые суперкомпьютеры конца XX века – *Deep Thought*, *Deep Junior* и даже *Deep Blue*, который обыграл чемпиона мира Гарри Каспарова. Голосовые помощники и чат-боты, беспилотные автомобили и дроны – все это примеры слабого искусственного интеллекта.

Сильный искусственный интеллект способен выполнять несколько разных задач – предполагается, что таким статусом в ближайшем будущем смогут обладать сервисные роботы, которые овладеют не только навыками движения в пространстве и управления «своим телом», но и технологиями *NLP* (обработки естественного языка), синтеза речи, навыками распознавания изображений, восприятия окружающей среды и общения с людьми. В этом контексте интересен подход американского законодателя, который в числе прочих определяет искусственный интеллект как систему, способную пройти тест Тьюринга [2], то есть способную действовать, как человек, обрабатывать естественный язык, рассуждать и обучаться. К сожалению или к счастью, но на сегодняшний день таких технологий не существует [11. С. 63].

Еще одна характеристика, существенно важная для понимания природы искус-

ственного интеллекта – это модели обучения ИИ. Большинство современных технологий ИИ обучается на основе обработки большого количества данных заданными алгоритмами и создания нейронных сетей, условно аналогичным естественным, которые формируются в мозге живых биологических организмов. Отдельно выделяют машинное обучение, или самообучение искусственного интеллекта, при котором технологии самостоятельно формируют новые знания посредством создания собственных алгоритмов [9. С. 124].

Как уже было упомянуто выше, отдельным вопросом, возникающим в контексте регулирования технологий ИИ, является определение его правосубъектности (или правового статуса). Мы склонны считать, что на сегодняшний день наделение ИИ статусом самостоятельного субъекта права является преждевременным. Отсутствие автономии воли, имущественной обособленности и самостоятельности подтверждают тезис о том, что искусственный интеллект должен являться объектом права. В таком случае, возникают определенные сложности при определении субъекта, подлежащего ответственности за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта, действующими в автономном режиме.

Исследование

Среди множества существующих подходов, можно выделить три основных, общих не только для стран общего права, но и для стран кодифицированного гражданского права. Они базируются на таких основаниях возникновения деликтного обязательства, как:

1. умышленное причинение вреда (*intentional torts*);
2. деликты, возникающие из небрежности (*negligence-based torts*);
3. доктрина строгой ответственности (*strict liability*) [1. С. 93].

В случае умышленного причинения вреда предполагается возложение ответственности на лицо, непосредственно совершившего правонарушение гражданско-правового характера. Таким лицом может стать оператор ИИ, непосредственно управлявший искусственным интеллектом, или же разработчик ИИ, если искусственный интеллект был создан с намеренно заложенными в нем ошибками, что выразилось в его «неправомерном» поведении.

При причинении вреда, возникшего в результате небрежности, стоит руководствоваться такой категорией, как разумная осмотрительность, когда лицо предприняло все зависящие от него меры предосторожности, но по непредвиденным обстоятельствам вред всё же был причинен. В данном случае потенциальные субъекты ответственности те же: 1) оператор ИИ, если он управлял ИИ (или не управлял, но должен был контролировать его деятельность) и при этом ввиду неосторожности или небрежности допустил причинение вреда; 2) разработчик ИИ – если в процессе обучения ИИ по небрежности были допущены ошибки, что привело к дефектности системы. Стоит отметить, что искусственный интеллект бросает вызов устоявшимся правовым и социальным стандартам разумной осмотрительности ввиду отсутствия четкого представления об ожидаемом от искусственного интеллекта поведении – стоит ли презюмировать его абсолютную общественную опасность и считать, что человек в любом случае обязан предвидеть негативные последствия? Подробнее этот аспект будет рассмотрен далее.

Доктрина строгой ответственности подразумевает ситуации, когда лицо вне зависимости от степени его участия или виновности будет нести ответственность за причиненный ущерб – такова, например, ответственность продавца за продажу некачественного товара, или ответственность работодателя за действия работника. В таких ситуациях ответственность может быть наложена на владельца системы ИИ (в соответствии со статьей 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации) или на продавца (ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации). Здесь также важно доказать, был ли робот изначально дефектен или стал таковым в результате эксплуатации.

Так, в деле *Jones v. W + M Automation, Inc.* истец не смог доказать дефектность промышленного робота – Томас Джонс находился за барьерным ограждением, когда

робот ударил его по голове, причинив серьезные травмы [3]. Обратившись в суд с иском против компании-продавца, он заявлял о халатности ответчика, непредоставление предупреждения, нарушения явных и подразумеваемых гарантий, а также основывался на доктрине строгой ответственности за продукцию. Суд не встал на сторону истца, заявив, что продавец не обязан предупреждать об очевидной опасности, о которой пользователь продукта фактически осведомлен или должен быть осведомлен в результате обычного наблюдения или здравого смысла.

Для решения вопроса о дефектности важно иметь не только юридическое определение искусственного интеллекта, но и конкретные технические стандарты, которые уже существуют не только в России, но и на международном уровне. В Российской Федерации технические требования к технологиям искусственного интеллекта можно увидеть в Приказе Росстандарта от 29 ноября 2016 г. № 1842-ст¹, от 27 июля 2017 г. № 757-ст² и иные. Важную роль в этой сфере играет Технический комитет по искусственному интеллекту (ТК164), созданный при Росстандарте в 2019 году³. На международном уровне при Международной организации по стандартизации (*International Organization for Standardization, ISO*) также функционирует свой технический комитет по искусственному интеллекту, созданный в 2017 году – *ISO/IEC JTC 1/SC 42 Artificial Intelligence*. Членами данного комитета являются 37 стран, в том числе Российская Федерация, и 15 стран-наблюдателей. На данный момент опубликовано уже 16 стандартов, среди которых *ISO/IEC JTC 1/SC 42/WG 1* («*Foundational standards*»), *ISO/IEC JTC 1/SC 42/WG 3* («*Trustworthiness*»), *ISO/IEC JTC 1/SC 42/WG 2* («*Data*») и другие⁴.

Рациональным представляется введение специальных ОКВЭДов для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере разработки и применения искус-

¹ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2016 г. № 1842-ст (ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Классификация»)

² Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 июля 2017 г. № 757-ст (ГОСТ Р 43.0.8-2017 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человеко-информационное взаимодействие. Общие положения»)

³ Официальный сайт Технического комитета по искусственному интеллекту при Росстандарте. URL: <http://tc164.ru/page28412436.html> (дата обращения: 20.11.2022 г.).

⁴ Официальный сайт Технического комитета по искусственному интеллекту при ISO. URL: <https://www.iso.org/ru/committee/6794475.html> (дата обращения: 20.11.2022 г.).

ственного интеллекта [5. С. 85]. Это позволит обеспечить определенный государственный контроль за предпринимательскими субъектами, использующими технологии ИИ. При этом важно соблюсти баланс интересов и не наложить на акторов ИИ слишком тяжкого бремени ответственности во избежание эффекта, возникшего, например, в результате издания в Великобритании в 1865 году Закона красного флага, когда слишком строгое правовое регулирование воспрепятствовало развитию технологий [13].

Перспективным также видится создание специализированных фондов страхования, средства которого использовались бы для возмещения вреда, возникшего в результате деятельности искусственного интеллекта. Бюджет фонда формировался бы посредством страховых взносов акторов ИИ [6. С. 192].

Еще один возможный элемент правового контроля за искусственным интеллектом – государственная регистрация систем ИИ. Наличие реестра, содержащего информацию о разработчиках, владельцах, продавцах и операторах ИИ позволило бы отследить «жизненный цикл» искусственного интеллекта для более верного ответа на вопрос: «кто должен нести ответственность за причиненный ущерб?».

Заключение

Изложенные обстоятельства, очевидно, свидетельствуют о том, что в настоящее время ответственность за ущерб, явившийся результатом деятельности искусственного интеллекта, в любом случае должен нести человек как основной субъект гражданских правоотношений, что также подтверждается результатами исследования теории об умышленном причинении ущерба, доктрины неосторожности или доктрины строгой ответственности. Также объективно необходимо аккуратное государственное регулирование деятельности по разработке и применению систем искусственного интеллекта, в том числе, путем введения ОКВЭДов или государственной регистрации систем ИИ. Необходимость государственного регулирования обращения технологий с искусственным интеллектом уже в настоящее время крайне необходима, поскольку ИИ уже занял свою нишу в предпринимательской деятельности в основном, конечно, крупных компаний, и это позволяет отметить значительный вклад крупных компаний (и даже объединений крупных компаний – *Partnership on AI*, Альянс в сфере ИИ) в разработку и изучение технических и правовых аспектов технологий искусственного интеллекта.

Литература:

1. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence / Woodrow Barfield, Ugo Pagallo – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2020.
2. Fundamentally Understanding The Usability and Realistic Evolution of Artificial Intelligence Act of 2017” or the “FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017.
3. Jones v. W + M Automation, Inc., 818 N.Y.S.2d 396 (App. Div. 2006), appeal denied, 862 N.E.2d 790 (N.Y. 2007).
4. Ирискина, Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. №. 10. С. 63-72.
5. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79-102.
6. Малов А.В., Лапа М.В. Обзор нормативной базы в сфере сервисной робототехники // Современные технологии: проблемы и перспективы: сборник статей всероссийской научно-практической конференции для аспирантов, студентов и молодых учёных. Севастополь, 19–22 мая 2020 года. 2020. С. 191-197.
7. Морхат П.М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник КГУ. 2018. № 3.
8. Наградская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / Под ред. Л.А. Новосёловой. М., 2019.
9. Боровская Е.В., Давыдова Н.А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. М., 2020.
10. Либерман И.В., Полупан К.Л., Корягин С.И., Клачек П.М. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. Калининград, 2018.

11. Остроумов Н.В. Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта // Законность и правопорядок. 2021. № 3(31). С. 61-66.
12. Рязанов С.И. Искусственный интеллект как множество - классификация искусственных интеллектов // Вузовская наука в современных условиях: сборник материалов 54-й научно-технической конференции: в 3 ч., Ульяновск, 27 января – 01 февраля 2020 года. 2020. С. 72-75.
13. Автопилоты: первая кровь. Иного пути у человечества просто нет? URL: <https://autoreview.ru/articles/pryamotok/redflag-act>

FOUNDATIONS AND CONDITIONS OF LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY THE WORK OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Introduction. *The increase in the number of public relations involving artificial intelligence, the intensive development of artificial intelligence systems, the autonomy of these technologies and the impossibility of recognizing artificial intelligence as a subject of legal relations in order to bring it to responsibility for the damage caused raise the question of the need to determine the subjects liable for the damage caused by artificial intelligence.*

The purpose of the study is to study the basic conditions and grounds for liability for damage caused by artificial intelligence.

Materials and methods. *The implementation of research tasks was achieved on the basis of studying theoretical and practical experience in the development and application of artificial intelligence technologies, as well as studying foreign experience in the field of tort obligations in relations involving artificial intelligence. The methodological basis of the study consisted of methods: generalization, analysis, synthesis, induction, deduction, comparative legal analysis.*

The results of the study. *The authors have made an attempt to analyze such grounds of liability as intentional damage, negligence and the doctrine of strict liability.*

Discussion and conclusion. *The proposals on the legal regulation of artificial intelligence in the context of tort obligations are outlined, in particular, the introduction of specialized OKVED for the development and application of artificial intelligence technologies, the creation of a specialized insurance fund, the state registration of artificial intelligence systems.*

Alexey N. Kirsanov,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure
and International Private Law,
RUDN University, Russia

Uliana V. Kostyleva,
student of Law Institute,
RUDN University, Russia

Ключевые слова:

искусственный интеллект, ИИ, робот, ущерб, причинение вреда, ответственность

Keywords:

artificial intelligence, AI, robot, damage, harm, liability

References:

1. Advanced Introduction to Law and Artificial Intelligence / Woodrow Barfield, Ugo Pagallo – Cheltenham : Edward Elgar Publishing Limited, 2020.
2. Fundamentally Understanding The Usability and Realistic Evolution of Artificial Intelligence Act of 2017” or the “FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2017.
3. Jones v. W + M Automation, Inc., 818 N.Y.S.2d 396 (App. Div. 2006), appeal denied, 862 N.E.2d 790 (N.Y. 2007).
4. Iriskina E.N., Belyakov K.O., 2016. Pravovye aspekty grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichinenie vreda dejstviyami robota kak kvazisub"ekta grazhdansko-pravovyh otnoshenij [Legal aspects of civil liability for harm caused by the actions of a robot as a quasi-subject of civil law relations]. *Gumanitarnaya informatika [Humanitarian Informatic]*. №. 10. P. 63-72.
5. Laptev V.A., 2019. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu [The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work]. *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. № 2. P. 79-102

6. Malov A.V., Lapa M.V., 2020. Obzor normativnoj bazy v sfere servisnoj robototekhniki [Review of the regulatory framework in the field of service robotics]. *Sovremennye tekhnologii: problemy i perspektivy : sbornik statej vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii dlya aspirantov, studentov i molodyh uchyonyh, Sevastopol', 19–22 maya 2020 goda* [Modern technologies: problems and prospects : collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference for graduate students, students and young scientists, Sevastopol, May 19-22, 2020]. P. 191-197.
7. Morkhat P.M., 2018. Pravosub"ektnost' yunita iskusstvennogo intellekta: nekotorye grazhdansko-pravovye podhody [Legal personality of the Artificial intelligence unit: some civil law approaches]. *Vestnik KGU [Bulletin of KSU]*. № 3.
8. Nagrodskaya V.B., 2019. Novye tekhnologii (blokchein / iskusstvennyj intellekt) na sluzhbe prava: nauchno-metodicheskoe posobie [New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law: a scientific and methodological manual]. Ed. by L.A. Novoselova. Moscow.
9. Borovskaya E.V., Davydova N.A., 2020. Osnovy iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie [Fundamentals of artificial intelligence : a textbook]. Moscow.
10. Lieberman I.V., Polupan K.L., Koryagin S.I., Klachek P.M., 2018. Osnovy iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie [Fundamentals of artificial intelligence : a textbook]. Kaliningrad.
11. Ostroumov N.V., 2021. Iskusstvennyj intellekt v prave: obzor sushchestvuyushchih koncepcij pravovogo regulirovaniya otnoshenij s uchastiem nositelej iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence in law: an overview of existing concepts of legal regulation of relations involving artificial intelligence carriers]. *Zakonnost' i pravoporyadok [Legality and law and order]*. № 3(31). P. 61-66.
12. Ryazanov S.I., 2020. Iskusstvennyj intellekt kak mnozhestvo - klassifikaciya iskusstvennyh intellektov [Artificial intelligence as a set - classification of artificial intelligences]. *Vuzovskaya nauka v sovremennyh usloviyah : sbornik materialov 54-j nauchno-tekhnicheskoy konferencii : v 3 ch., Ul'yanovsk, 27 yanvara – 01 fevralya 2020 goda. [University science in modern conditions: collection of materials of the 54th Scientific and technical Conference: at 3 o'clock, Ulyanovsk, January 27 – February 01, 2020]*. P. 72-75.
13. Avtopiloty: pervaya krov'. Inogo puti u chelovechestva prosto net? [Autopilots: first blood. There is simply no other way for humanity?]. URL: <https://autoreview.ru/articles/pryamotok/redflag-act>

Article

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО РЫНКА ГАЗА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ С УЧЕТОМ ОПЫТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Азиза Назарова*

DOI 10.24833/2073-8420-2022-4-65-61-72

Введение. Статья посвящена анализу текущего состояния формирования общего газового рынка ЕАЭС. Экономическая интеграция стран ЕАЭС, начатая в 2014 году, предусматривает три этапа создания общего газового рынка ЕАЭС. На настоящий момент страны ЕАЭС находятся на втором этапе этой интеграции. Основной задачей второго этапа формирования общего газового рынка является создание на территории ЕАЭС одной или более общих товарных бирж, на которых может осуществляться торговля газом.

Дискуссия о создании общих для стран ЕАЭС товарных бирж активизировалась в мае 2022 года. По результатам этой дискуссии был принят Доклад о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС. В Докладе предусматривается несколько моделей видения общего товарного рынка ЕАЭС, предложенных разными странами ЕАЭС. Определение наиболее удачной модели позволит перейти к третьему этапу формирования общего газового рынка ЕАЭС.

В статье анализируются преимущества и недостатки каждой из моделей построения общего биржевого рынка товаров в сопоставлении с опытом построения общего биржевого рынка товаров ЕС.

Материалы и методы. В исследовании использованы нормативные правовые акты права ЕАЭС, ранее действующие акты ЕврАзЭС, акты ЕС, научные работы представителей юридической доктрины, затрагивающие вопросы энергетического права, евразийской интеграции и права ЕС. Методологическую основу исследования составили следующие теоретические методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, а также специальные методы познания правовых явлений и процессов: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования. По итогам анализа моделей построения общего биржевого рынка газа, представленных в Докладе и опыта ЕС установлено, что наиболее предпочтительной моделью будущего биржевого рынка газа ЕАЭС

* Назарова Азиза Улугбековна, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: nazaraziza@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3136-1143

является модель, при которой общий рынок ЕАЭС формируется на основе национальных товарных бирж. При этой модели общего биржевого рынка газа каждый из участников торгов любой национальной товарной биржи может участвовать в торгах на любой другой национальной бирже в рамках пространства ЕАЭС без каких-либо ограничений. Указанная модель обеспечивает наибольший уровень конкуренции среди участников и национальных бирж, а также в большей мере, чем другие модели способствует росту общего объема биржевой торговли внутри пространства ЕАЭС. Также представленная модель в большей степени соответствует опыту организации товарных бирж ЕС, который следует рассматривать как позитивный.

Обсуждение и заключение. В результате исследования обоснованы преимущества модели построения общего биржевого рынка газа ЕАЭС; детально проанализированы преимущества других моделей, их преимущества и недостатки, а также опыт ЕС. Предложенная в статье модель может быть выбрана для построения общего биржевого рынка газа ЕАЭС, что будет являться одним из основных шагов к завершению формирования общего рынка газа ЕАЭС.

Введение

Прежде, чем перейти к исследованию проблем и перспектив формирования общего рынка газа в пределах Евразийского экономического союза (далее – ЕЭАС, Союз), необходимо кратко охарактеризовать исторические, экономические и политические предпосылки для экономической интеграции стран ЕАЭС в газовой сфере.

Экономико-исторической предпосылкой для интеграции стран СНГ в единое энергетическое пространство является тот факт, что энергетические системы этих стран формировались в XX в. в период СССР как составные части общей энергетической системы одного государства. В связи с чем энергетическая инфраструктура стран бывшего СССР тесно связана между собой. В отношении газа эту связь можно проследить на примере газотранспортной сети, соединяющей страны СНГ. Изменение системы магистральных газопроводов – технически сложное и экономически затратное мероприятие, которое потребует значительных ресурсов и времени, вследствие чего многие страны СНГ «замкнуты» общими каналами транспортировки энергоресурсов. Уже существующая единая газотранспортная сеть является одним из важнейших экономиче-

ских стимулов, обуславливающих сотрудничество стран СНГ. Также важной экономической предпосылкой для интеграции является то, что некоторые из стран СНГ обладают крупнейшими в мире запасами энергетических ресурсов. В частности, на страны ЕАЭС приходится 1/5 общемировых запасов природного газа [1. С. 15-7].

Первым нормативным отражением процесса энергетической интеграции стран СНГ стал Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, подписанный в Астане в 10 октября 2000 года¹. Договор предусматривал создание общего энергетического рынка для Беларуси, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана.

Следующим шагом на пути создания общего газового рынка было принятие в 2003 году Основ энергетической политики государств-членов ЕврАзЭС². Направления деятельности стран-участниц ЕврАзЭС по созданию общего газового рынка в рамках ЕврАзЭС, формулировались общим образом и касались, в большей степени, поддержания сотрудничества между странами в газовой отрасли, чем углубления интеграции на этом рынке [2, с. 46]. В частности, в ст. 2.3 Основ указаны следующие мероприятия по формированию общего рынка: 1) совместное освоение новых месторождений;

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Собрание законодательства РФ, 18.02.2002, № 7, ст. 632.

² Решение № 103 Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества «Об Основах энергетической политики государств-членов ЕврАзЭС» // Информационный бюллетень ЕврАзЭС. 2003. № 5. С. 44–49.

2) проведение мер по поддержанию общей газотранспортной сети; 3) создание условий рационального использования газа и другие подобные меры.

В 2000-е годы в сфере газовой энергетики были приняты следующие акты, направленные на формирование общего газового рынка: Соглашение о совместной разработке топливно-энергетического баланса государств-членов Евразийского экономического сообщества³ и Соглашение о формировании общей системы информационного обеспечения энергетического рынка государств-членов Евразийского экономического сообщества⁴.

В 2009 году в рамках ЕврАзЭС на уровне глав государств Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан было принято решение о создании в 2010 году Таможенного союза, который стал основой для создания ЕАЭС⁵. В сфере газовой энергетики в рамках Таможенного союза в 2012 году было принято соглашение, регулирующее тарифные ставки на газ для членов Таможенного союза, которое также ставило целью постепенное формирование единого газового рынка в границах Таможенного союза [2. С. 46].

Таким образом, формирование общего газового рынка в рамках ЕАЭС имело под собой важные исторические, экономические и политические предпосылки. Помимо этого, в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза были намечены цели и определены направления деятельности по формированию единого газового рынка. Однако сложно сказать, что мероприятия, проводимые в соответствии намеченными целями, в действительности способствовали интеграции стран в единый газовый рынок. Скорее эти мероприятия касались поддержания созданной в 1970-е годы энергетической сети и совместной эксплуатации этой сети странами-членами ЕврАзЭС. Реальный процесс интегра-

ции в рамках общего газового пространства требует не только технических мероприятий по поддержанию газотранспортной сети, но и создания общесоюзного регулирования путем унификации национальных нормативных актов в сфере газовой энергетики, а также создание экономических основ для общего рынка, в том числе товарных бирж для свободной торговли газом внутри единого экономического пространства. Все названные шаги по формированию единого газового рынка планируется совершить в рамках ЕАЭС до 2025 года.

Исследование

ЕАЭС был основан в 2014 на основании Договора о Евразийском экономическом союзе (Далее – Договор о ЕАЭС), подписанном в Астане 29 мая 2014 года⁶. Договор о ЕАЭС был заключен между Беларуссией, Казахстаном и Россией. Также в конце 2014 года к Договору о ЕАЭС присоединились Армения и Киргизия. Цели и принципы создания ЕАЭС определены в ст. 3 и 4 Договора о ЕАЭС. В рамках исследуемой темы необходимо отметить, что одной из целей провозглашаемой Договором о ЕАЭС является стремление к формированию единого рынка ресурсов (абз. 3 ст. 4 Договора о ЕАЭС).

Одним из ключевых направлений сотрудничества стран в рамках ЕАЭС является энергетический рынок. Регулированию энергетического рынка посвящен раздел XX (ст. 79–85) Договора о ЕАЭС. В представленном разделе указаны принципы формирования общего энергетического рынка, среди которых следует выделить: 1) обеспечение конкуренции, недискриминационных условий и рыночного ценообразования на энергетическом рынке; 2) стремление к уменьшению административных и технических барьеров на общем рынке; 3) созда-

³ Соглашение о совместной разработке топливно-энергетического баланса государств-членов Евразийского экономического сообщества (Заключено в г. Душанбе 27.09.2005) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 8. С. 6–10.

⁴ Соглашение о формировании общей системы информационного обеспечения энергетического рынка государств-членов Евразийского экономического сообщества (Заключено в г. Москве 12.12.2008) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 № 24 «О создании единой таможенной территории таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» // Таможенный вестник, № 2, январь, 2010.

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.09.2022).

ние общей для всех стран ЕАЭС энергетической инфраструктуры; 4) гармонизация национального энергетического законодательства стран ЕАЭС (ст. 79 Договора о ЕАЭС).

Формированию общего газового рынка ЕАЭС посвящена ст. 83 Договора о ЕАЭС. Статья относится к переходным положениям раздела XX (ст. 104 Договора о ЕАЭС). В ней указывается на стремление стран ЕАЭС к формированию общего газового рынка. Для реализации этой цели странами ЕАЭС утверждена Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (далее – Концепция газового рынка ЕАЭС)⁷ и Программа формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (далее – Программа газового рынка ЕАЭС)⁸.

Концепция газового рынка ЕАЭС в общем виде описывает мероприятия, направленные на формирование общего газового рынка ЕАЭС. Раздел IV Концепции предусматривает создание общего газового рынка в три этапа. Согласно графику Концепции газового рынка ЕАЭС в настоящий момент страны ЕАЭС должны были завершить два этапа формирования общего газового рынка. Первый этап перехода был завершён в соответствии с графиком до 1 января 2021 года. Однако второй, завершение которого планировалось до 1 января 2022 года, до настоящего времени так и не завершился ввиду того, что не выполнен главный шаг для перехода на третий этап – создание хотя бы одной общесоюзной товарной биржи для торговли газом. Согласно плану, третий этап формирования общего газового рынка должен завершиться не позднее 1 января 2025 года.

Первый этап предусматривал унификацию законодательства и стандартов стран-членов ЕАЭС в сфере газоснабжения включая: стандарты раскрытия информации о запасах газа стран-членов ЕАЭС, единые газотранспортные регламенты, единые прави-

ла доступа к газовым системам стран-членов, а также создание правил определения цены. Первый этап был завершён принятием Решения № 21 Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020⁹. При этом в Решении № 21 указано, что на втором этапе необходимо завершить ряд невыполненных мероприятий первого этапа, а именно: обеспечить раскрытие информации о мощностях газотранспортной системы стран ЕАЭС; разработать унифицированные правила доступа к газотранспортным системам. Однако завершение первого этапа следует признать существенным шагом на пути формирования общего газового рынка стран ЕАЭС. Были достигнуты существенные шаги на пути унификации законодательства в сфере газовой энергетики и регулирования деятельности субъектов естественных монополий – одних из основных участников газового рынка.

На втором этапе формирования общего газового рынка ЕАЭС предполагалось создание на территории Союза одной или более товарных бирж, на которых может осуществляться беспрепятственная биржевая торговля газом внутри ЕАЭС. Создание общей биржи должно стимулировать инвестиционную активность бизнеса в странах ЕАЭС, способствовать интеграции стран в единое экономическое пространство и более эффективному распределению ресурсов от поставщиков к потребителям внутри пространства ЕАЭС. Однако создать правовое регулирование, обеспечивающее условия для беспрепятственной биржевой торговли газом внутри ЕАЭС, до настоящего времени не удалось.

В странах ЕАЭС действует несколько больших национальных товарных бирж, на которых осуществляется торговля газом. На основе уже существующих товарных бирж возможна организация беспрепятственной торговли газом для участников из всех стран, входящих в ЕАЭС. Однако для предоставления такой возможности необходимо

⁷ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 7 «О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁸ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 18 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза», «Планом мероприятий по формированию общего рынка газа Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁹ Решение № 21 Высшего Евразийского экономического совета «О переходе ко второму этапу формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза» (Принято в г. Минске 11.12.2020) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.09.2022).

принятие регулирования, унифицирующего правила торгов. В частности, к потенциальным биржам ЕАЭС по торговле энергоносителями в перспективе можно отнести АО «Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа» – крупнейшую товарную биржу РФ, на базе которой в 2018 году уже тестировалось проведение имитационных торгов электроэнергией на общем рынке ЕАЭС [3. С. 36–41].

Планировалось, что второй этап формирования общего газового рынка завершится до 1 января 2022 года. Однако до настоящего момента не определены даже контуры правового регулирования и модели, определяющие то, в каком виде будет происходить биржевая торговля газом в ЕАЭС. Первые видимые публике модели построения биржевой торговли газом в ЕАЭС были представлены только в мае 2022 в Докладе о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС. Однако даже в рамках публичного Доклада участникам не удалось достичь консенсуса относительно того, каким образом будет выглядеть будущий общий биржевой рынок торговли газом.

Третий этап предусматривает вступление в силу международного договора в рамках ЕАЭС о формировании общего рынка газа. Международный договор об общем рынке газа должен стать окончательной точкой в формировании общего рынка природного газа. До этого момента государства-члены ЕАЭС должны создать все технические и правовые средства, обеспечивающие возможность свободного приобретения газа путем прямых договоров членов ЕАЭС и поставщиков газа или на биржевом рынке ЕАЭС.

Программа газового рынка ЕАЭС, принятая Решением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 18, регламентирует те задачи, которые требуется исполнить при проведении каждого из трех этапов формирования общего газового рынка ЕАЭС. Уточняет, какие именно нормативные изменения необходимо внести в законодательства стран ЕАЭС, чтобы добиться унификации регулирования, какие именно технические и инфраструктурные мероприятия необходимо провести странам-членам ЕАЭС для формирования общего газового рынка. Также Программа газового рынка ЕАЭС предусматривает порядок мо-

нитинга этапов реализации Концепции и Программы газового рынка ЕАЭС, а также в общем виде определяет необходимое ресурсное обеспечение для реализации мероприятий по формированию общего газового рынка внутри ЕАЭС.

Таким образом, в настоящий момент формирование общего рынка газа на уровне ЕАЭС не завершено. Среди выполненных мероприятий Концепции газового рынка ЕАЭС необходимо отметить позитивные шаги в сторону унификации регулирования в сфере газовой энергетики и естественных монополий. Следующим этапом на пути формирования общего рынка газа должно было стать создание условий и возможностей для беспрепятственной биржевой торговли газом в пределах ЕАЭС. Создание инструментов для биржевой торговли способствовало бы упрощению и ускорению процесса обработки заявок на поставки газа членов ЕАЭС, а также являлась бы эффективным механизмом рыночного регулирования цен на энергоресурсы. Однако до настоящего времени не было создано надлежащих правовых механизмов для биржевой торговли газом на уровне ЕАЭС. В связи с чем необходимо понять, на каком этапе в данный момент находится процесс формирования общего биржевого рынка газа и какие препятствия существуют на пути его создания.

Модели построения общего биржевого газового рынка ЕАЭС

В настоящий момент первостепенной задачей на пути формирования общего газового рынка ЕАЭС является создание условий для биржевой торговли газом в рамках ЕАЭС. Для реализации этой задачи в апреле 2021 года была создана рабочая группа по вопросам формирования общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС, в состав которой входят представители контролирующих органов стран ЕАЭС, члены Евразийской экономической комиссии и представители национальных товарных бирж. В апреле 2022 года рабочая группа представила Доклад о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС (далее – Доклад) [4]. В сентябре 2022 года Доклад был утвержден Евразийской экономической комиссией ЕАЭС. В Докладе содержится три схемы формирования общего биржевого товарного рынка¹⁰.

¹⁰ Доклад посвящен анализу создания биржевого товарного рынка для различных групп товаров, включая газ.

Первый вариант формирования общего биржевого товарного рынка ЕАЭС был предложен Республикой Беларусь. Модель предполагает отказ от создания общих товарных бирж ЕАЭС. Биржевая торговля на общем биржевом рынке товаров ЕАЭС должна осуществляться в рамках уже существующих национальных бирж стран ЕАЭС. Национальные товарные биржи стран ЕАЭС получают статус организатора торгов на общем биржевом рынке товаров ЕАЭС и получают доступ к общему торговому модулю системы электронных торгов.

Ключевая особенность этого варианта состоит в том, что на общий биржевой рынок товаров ЕАЭС попадают только те заявки, которые не были закрыты на национальной товарной бирже. По мнению разработчиков, такое решение способствует защите интересов национальных продавцов и покупателей стран ЕАЭС. Так как перед тем, как попасть на общий товарный рынок стран ЕАЭС заявка размещается на национальной товарной бирже, то национальные продавцы и покупатели получают приоритет в реализации этой заявки. Что гарантирует обеспечение удовлетворения потребностей внутреннего рынка стран ЕАЭС [4. С. 10, 15].

Также разработчики модели отмечают, что такой подход к общему товарному рынку ЕАЭС исключит возможность конкуренции между национальными товарными биржами. Так как, согласно предложенной модели, все торги на общей товарной бирже осуществляются в рамках общего торгового модуля, издержки и выгоды от обслуживания которого распределяются между национальными товарными биржами равным образом [4. С. 15].

После подключения национальных торговых бирж к общему торговому модулю национальные биржи согласовывают перечень товаров, доступных к обороту на общем биржевом рынке товаров ЕАЭС. Также предполагается, что национальные биржи самостоятельно согласовывают алгоритм заключения сделок, валюты долга и валюты платежа (валюты ценообразования и расчетов), условия оплаты биржевых сборов, условия аккредитации участников, условия клиринга, условия исполнения сделок и порядок арбитража при возникновении споров.

На уровне ЕАЭС предлагается согласовать требования к биржам и участникам торгов на общем товарном рынке ЕАЭС наиболее общим образом. Нюансы регулирования должны согласовываться на уровне соглашений национальных товарных бирж

стран ЕАЭС. В частности, на уровне ЕАЭС предлагается установить следующие требования к участникам торгов: прямое участие в торгах могут вести только юридические лица и брокеры (профессиональные участники биржевого рынка), требования к рейтингу надежности участников, требования к идентификации участников (наличие аккредитации, ЭЦП, открытие специализированного счета). В отношении бирж предлагается установить следующие требования: создание единого сервера, финансируемого национальными биржами ЕАЭС, обеспечение информационного взаимодействия между участниками, обеспечение информационной безопасности данных об участниках и заявках, создание складов для резервирования товаров, участвующих в торгах [4. С. 12-14].

В целом разработчики отмечают следующие преимущества описанной модели общего товарного рынка ЕАЭС:

1. отсутствие конкуренции между национальными биржами;
2. гарантия обеспечения потребностей внутреннего рынка;
3. возможность торговли на общем товарном рынке ЕАЭС;
4. рост показателей биржевой торговли;
5. равное распределение биржевых сборов между национальными биржами стран ЕАЭС и гарантия получения сборов;
6. возможность использования участниками торгов биржевого инструментария (имеется в виду, что участникам не нужно анализировать потенциальные риски сотрудничества с конкретным контрагентом и индивидуально согласовывать условия) [4, с. 15].

Второй вариант формирования общего биржевого товарного рынка ЕАЭС был предложен Российской Федерацией. Так же, как и в первом варианте, модель, предложенная Россией, предполагает, что для формирования общего биржевого товарного рынка ЕАЭС, нет необходимости создавать новые товарные биржи, отличные от уже существующих национальных товарных бирж.

Ключевое отличие от первой модели состоит в том, что торговля на общем биржевом рынке должна осуществляться путем допуска участников торгов национальной биржи к торгам, проводимым на всех других биржах ЕАЭС. Другими словами, отличие состоит в том, что общий биржевой товарный рынок должен формироваться

децентрализовано. Любой участник национальной товарной биржи, которая обладает статусом организатора торгов на общей товарной бирже ЕАЭС, может участвовать в торгах на любой другой товарной бирже, обладающей таким же статусом.

При этом участники национальной товарной биржи не имеют приоритета перед другими участниками торгов, для которых национальной является биржа другого государства. Например, участник товарной биржи из Казахстана может участвовать на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже на равных с участниками торгов из России. В результате чего обеспечивается конкуренция между национальными биржами и равный доступ участников к торгам.

Для регулирования общего биржевого рынка стран ЕАЭС и унификации стандартов и требований национальных бирж в описываемом варианте предлагается создать регулятор общего биржевого рынка – Биржевой комитет ЕАЭС. Предполагается, что Биржевой комитет ЕАЭС будет действовать по аналогии с российским национальным биржевым регулятором – Биржевым комитетом при ФАС РФ. Предполагается, что в состав Биржевого комитета ЕАЭС войдут: представители национальных антимонопольных органов стран ЕАЭС; представители центральных / национальных банков стран ЕАЭС; представители профильных министерств стран ЕАЭС; представители национальных товарных бирж; представители ассоциаций и союзов участников торгов [4. С. 15–16].

Также вторая модель формирования общего биржевого товарного рынка ЕАЭС предполагает, что до начала торгов необходимо создать единые товары, предъявляемые к качеству товаров. Указывается, что, так как на биржах торгуются стандартизированные товары, их качество не может зависеть от того, на какой бирже они приобретены. Помимо этого, до начала торгов на общем рынке ЕАЭС государствам необходимо разработать правила взаимного признания и применения ЭЦП и электронного документооборота стран ЕАЭС, а также создать механизм одновременного допуска участников национальной биржи к другим биржам ЕАЭС [4. С. 16].

Авторы модели указывают на преимущества и недостатки предложенной ими модели. К преимуществам относятся:

1. расширение возможностей продажи и покупки товаров на биржевом рынке путем обеспечения допуска участников на-

циональных бирж к другим биржам стран ЕАЭС;

2. увеличение общего объема биржевой торговли внутри пространства ЕАЭС;

3. увеличение собираемых биржевых сборов национальными биржами стран ЕАЭС;

4. создание Биржевого комитета ЕАЭС, обеспечивающего контроль за общим биржевым рынком ЕАЭС;

5. возможность использования участниками торгов биржевого инструментария.

Среди недостатков представленной модели отмечается:

1. конкуренция между национальными биржами и участниками торгов;

2. отсутствие гарантии обеспечения национального рынка товара ввиду того, что товары в условиях свободного доступа на национальные биржи могут быть проданы продавцам из других стран ЕАЭС;

3. отток участников из национальных бирж в те биржи, которые предоставляют лучшие условия;

4. снижение объема торговли и биржевых сборов на некоторых национальных биржах [4. С. 19–20].

Третий вариант формирования общего биржевого товарного рынка ЕАЭС был предложен Комиссией по схемам формирования общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС (далее – Комиссия) как компромиссный вариант, сближающий модели, предложенные Россией и Республикой Беларусь. В рамках третьей модели Комиссией предлагается установить трехступенчатую систему биржевой торговли.

Первый уровень предполагает, что биржевая торговля на общем биржевом товарном рынке ЕАЭС ведется на национальных биржах, которые могут устанавливать режим взаимного доступа участников других бирж ЕАЭС. В этой модели, предложенная Комиссией ЕАЭС, соответствует модели, предложенной Россией. При этом установление режима взаимного доступа определяется решением самой товарной биржи. В таком случае биржа может самостоятельно решить: остаться исключительно национальной биржей или предоставить доступ для участников иных бирж ЕАЭС и стать общей товарной биржей ЕАЭС.

Второй уровень необходим для обеспечения потребностей национальных рынков в товарах. Торговля на втором этапе осуществляется путем проведения закрытых торговых сессий с предоставлением при необходимости льготных условий для стран

ЕАЭС, потребности рынка которых оказались неудовлетворенными в рамках первого этапа.

Третий уровень торговли на общем биржевом товарном рынке ЕАЭС предусматривает, что все национальные биржи, заявки на которых не были закрыты на национальном рынке, могут быть закрыты на общем биржевом рынке ЕАЭС. Для этого нереализованные заявки направляются в общий торговый модуль, в котором обобщаются все незакрытые заявки национальных товарных бирж¹¹.

Обзор европейского опыта построения общего биржевого газового рынка

Прежде чем перейти к аналитическому исследованию достоинств и недостатков моделей, представленных в рамках Доклада о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС, обратимся к компаративному опыту. Модели биржевого товарного рынка ЕАЭС наиболее целесообразно сравнить с тем, каким образом организован биржевой газовый рынок Европейского союза (далее – ЕС). Обращение именно к опыту ЕС оправдано тем, что европейская экономическая интеграция также касалась, прежде всего, интеграции в сфере энергетики. Достаточно вспомнить, что основой для экономической интеграции Европы в XX в. являлось Европейское объединение угля и стали [4. С. 43].

В Договоре 1957 г. о функционировании Европейского Союза (Далее – Договор о ЕС) энергетической интеграции отводится решающее значение. В ст. 194 Договора о ЕС указываются следующие цели политики ЕС в энергетической сфере: а) обеспечение функционирования общего энергетического рынка; б) обеспечение надежности энергоснабжения в ЕС; в) содействие энергетической эффективности и экономии энергии, а также развитие новых и возобновляемых видов энергии; г) содействие межсоединению энергетических сетей¹². Европейская энергетическая интеграция завершилась в 2009 году принятием Третьего энергетического пакета ЕС. Также в 2019 г. был принят Четвертый энергетический пакет ЕС, пред-

усматривающий новые механизмы междуна-родно-правового сотрудничества в энергетической сфере [5. С. 343].

Таким образом, ЕАЭС и ЕС имеют схожие интеграционные факторы в сфере энергетики, что подтверждает релевантность учета европейского опыта формирования общего рынка газа для формулирования выводов о рынке ЕАЭС. В настоящий момент биржевой рынок энергоносителей в ЕС демонстрирует две тенденции. С одной стороны, в ЕС устанавливается беспрепятственный доступ к национальным товарным биржам для участников из всех стран ЕС, что должно способствовать децентрализации торгов. С другой стороны, основные торги проводятся на нескольких крупных биржах, образованных путем консолидации более мелких национальных бирж [6].

На сегодняшний день в ЕС действует несколько национальных товарно-сырьевых бирж. Наиболее крупной биржей в ЕС является общеевропейская биржа Euronext, образованная в 2000 году путем объединения трех европейских бирж: Амстердамской биржи, Брюссельской и Парижской биржи [7. С. 137]. Euronext осуществляет торговлю как ценными бумагами и валютой, так и товарами, включая газ. В отчете Euronext на 2020 год указывается, что на бирже зарегистрировано более 2000 эмитентов и более 70 000 профессиональных участников торгов. Для торговли на Euronext организовано 15 площадок в различных странах ЕС. К товарно-сырьевым площадкам относятся Euronext Amsterdam и Euronext Paris.

Участники из стран, не относящихся к ЕС, могут участвовать в торгах на европейской бирже только через европейских посредников в лице брокеров. Размещение на товарной бирже энергоносителей участниками из третьих стран, не входящих в интеграционный формат ЕС, также не допускается [8. С. 222]. Соответствующие меры направлены на приоритетное обеспечение интересов в обеспечении ресурсами национальных рынков стран, входящих в ЕС.

Контроль за биржевым товарным рынком в ЕС централизован и осуществляется Советом по рынкам сырьевых товаров

¹¹ Доклад о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС / Доклад подготовлен Департаментом макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии ЕАЭС. М., 2022.

¹² Договор о функционировании Европейского Союза (Подписан в г. Риме 25.03.1957) (с изм. и доп. от 13.12.2007). Пер. на рус. язык подготовлен для публикации в системах КонсультантПлюс // СПС «Консультант Плюс».

(Commodities Markets Council / CMCE). Совет по рынкам сырьевых товаров ЕС во многом стал прообразом Биржевого комитета ЕАЭС, предлагаемого в российской модели видения общего товарного рынка ЕАЭС. В состав Совета по рынкам сырьевых товаров ЕС входят представители регулирующих органов ЕС и национальных регулирующих органов стран-членов ЕС, представители национальных правительственных органов, представители национальных финансовых и антимонопольных регуляторов, представители участников товарно-сырьевых рынков и представители международных организаций.

Совет по рынкам сырьевых товаров ЕС способствует унификации национального правового регулирования сферы биржевой торговли, оказывая консультативную функцию правительствам европейских стран и представителями ассоциаций. Совет по рынкам сырьевых товаров ЕС также обладает рядом законодательных полномочий. В частности, Совет устанавливает требования к раскрытию информации для участников торг и бирж, устанавливает правила инвестирования капитала для участников товарных рынков.

Даже представленный в столь обобщенном виде обзор состояния биржевого товарного рынка ЕС позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, биржевой товарный рынок ЕС характеризуется открытостью границ и отсутствием национальных барьеров для участников биржевого рынка. Участник рынка может торговать на любой бирже ЕС без каких-либо национальных ограничений. В свою очередь национальная биржа также обязана принимать заявки от всех участников биржевых торгов из ЕС, какие-либо дискриминационные ограничения по признаку принадлежности участника к определенному государству ЕС не допускаются. Во-вторых, принцип открытости границ распространяется только в пределах ЕС и распространяется на участников из стран ЕС, покупатели и продавцы из третьих стран лишены возможности свободно торговать на европейской бирже от собственного имени. В-третьих, биржевой товарный рынок ЕС характеризуется централизованным регулированием. Функции контроля за биржевым товарным рынком осуществляет единый для всех государств ЕС орган – Совет по рынкам сырьевых товаров ЕС. Указанный контролирующий орган обладает достаточно ограниченной законодательной компетенцией, однако оказывает существенное влияние на

политику стран ЕС ввиду собственного авторитета. Совет по рынкам сырьевых товаров ЕС на постоянной основе консультирует правительства стран ЕС, благодаря чему обеспечивается унификация европейского законодательного регулирования в сфере биржевой торговли товарами и сырьем.

Pro и contra при выборе наиболее оптимальной модели построения общего газового рынка ЕАЭС

Далее экстраполируем эти выводы на модели формирования общего товарного рынка ЕАЭС, представленные в Докладе о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС (далее – Доклад).

Модель общего биржевого товарного рынка ЕАЭС, предложенная Россией и предусматривающая свободный взаимный доступ участников национальной товарной биржи к товарным биржам других стран ЕАЭС без каких-либо национальных ограничений, в наибольшей степени соответствует модели, которая используется на уровне ЕС. Также в полной мере соответствует европейскому опыту предложение России создать единый регулятор общего товарного рынка ЕАЭС – Биржевой комитета ЕАЭС.

Модель общего биржевого рынка товаров, представленная Россией, представляется нам в наибольшей степени, подходящей для развития будущего общего биржевого газового рынка ЕАЭС. Однако прежде чем сделать окончательный вывод о том, какая модель должна стать основой для формирования общего газового рынка ЕАЭС, необходимо более детально проанализировать достоинства и недостатки моделей, представленных в Докладе.

Если обобщить достоинства и недостатки моделей, представленных в Докладе, то отчетливо видно, что основной спор касается вопроса конкуренции между национальными биржами стран ЕАЭС. Первая модель предусматривает ограничение свободной торговли на биржах других стран ЕАЭС в следующих целях. Во-первых, путем введения этого ограничения приоритет в закрытии заявок получают участники торгов на национальной бирже. С одной стороны, такое ограничение препятствует созданию свободной и конкурентной среды в рамках всего пространства ЕАЭС. С другой стороны, это решение защищает национальный рынок от ситуации, когда в отсутствие ограничений всем или большинству продавцов будет более выгодно торговать на другой

бирже ЕАЭС. Во-вторых, ограничение, устанавливающее приоритет торговли на национальной бирже, позволяет сохранить определенный объем торгов на национальной бирже, и соответственно, сохранение биржевых комиссий внутри государства.

Однако указанные аргументы представляются нам недостаточно убедительными. Возможность торговли на общей товарной бирже ЕАЭС только при условии незакрытия предложения на национальной товарной бирже является неоправданно широким ограничением, противоречащим цели создания единого экономического пространства в пределах ЕАЭС. Это ограничение в значительной мере «замкнет» участников торгов в пределах национальных товарных бирж. Отсутствие указанного ограничения будет способствовать увеличению общего объема биржевой торговли внутри пространства ЕАЭС кратно больше, чем его наличие. Конкуренция между национальными биржами не является однозначно негативным явлением. Опыт ЕС демонстрирует, что консолидация мелких и малоэффективных бирж в единую крупную и эффективную, является нормальным следствием здоровой рыночной конкуренции. В связи с чем опасения, что какие-то национальные биржи стран ЕАЭС окажутся преуспевающими и сконцентрируют основной объем торгов кажутся нам неоправданными.

Наиболее оптимальной для формирования будущего биржевого рынка торговли газом является модель, в основе которой лежит признание взаимного допуска участников национальной биржи к другим биржам ЕАЭС. В статье установлено, что эта модель обладает преимуществами по сравнению с другими представленными в Докладе. В частности, модель, выбранная нами в качестве оптимальной, позволяет добиться большей конкуренции на товарных рынках, чем иные, что способствует увеличению общего объема биржевой торговли внутри пространства ЕАЭС, и, как следствие, увеличению общего объема собираемых биржевых сборов национальными биржами стран ЕАЭС.

Заключение

На настоящий момент общий рынок торговли газом в ЕАЭС не сформирован.

Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза предусматривает три этапа формирования общего рынка, которые согласно плану должны быть завершены до 1 января 2025 года. На день сегодняшний в полном объеме завершен только первый этап формирования общего рынка газа. Завершение второго этапа требует от стран ЕАЭС создания условий для функционирования товарной биржи, которая будет предусматривать возможность равного доступа участников из всех стран ЕАЭС. В мае 2022 года Евразийской экономической комиссией был опубликован Доклад о предложениях по формированию общего биржевого рынка товаров в рамках ЕАЭС, в котором предусмотрено три потенциально возможных модели общего биржевого товарного рынка ЕАЭС.

Эти модели были проанализированы в представленной статье в сравнении с европейским опытом построения общего биржевого газового рынка в рамках Европейского союза. Путем сопоставления плюсов и минусов каждой модели было установлено, что наиболее оптимальным решением является построение общего в пределах ЕАЭС биржевого рынка торговли газом по модели, предусматривающей признание взаимного допуска участников национальной биржи к другим биржам ЕАЭС.

Однако выбор оптимальной модели является только одним из шагов, необходимых для завершения второго этапа перехода к общему газовому рынку ЕАЭС. Помимо выбора оптимальной модели государствам необходимо унифицировать порядок определения допуска участников к торговле на бирже, способы проверки информации о контрагентах, требования к предварительной проверке качества товаров, требования к организации хранения зарезервированного товара, обеспечить взаимное признание ЭЦП участников торгов.

Таким образом, процесс формирования общего биржевого рынка торговли газом в данный момент еще далек до завершения. Прежде государствам-членам ЕАЭС необходимо определиться с моделью построения общего биржевого товарного рынка и унифицировать национальное регулирование.

Литература:

1. Габов А.В., Лизикова М.С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2.
2. Павлова И.Н. Основные аспекты формирования энергетического права Евразийского экономического союза // Энергетическое право. 2015. № 2.
3. Мубарякова Э.А. Перспективы развития биржевой торговли энергоресурсами в Российской Федерации: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2019. № 4.
4. Гагарина Г.Ю., Громыко В.В., Округ З.М., Сагинова О.В. Экономика Европейского союза: учебник. М., 2003.
5. Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / Отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. М., 2021.
6. Демчук О. Эволюция и тенденции российского биржевого рынка // Рынок Ценных Бумаг. 2006. № 2(28).
7. Мигранян А.А., Шавина Е.В. Формирование общих рынков электроэнергии и газа в ЕАЭС: модели рынков, барьеры и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 6 (12).
8. Yutaka, Kurihara; Sadayoshi, Takaya; Nobuyoshi, Yamori. Global Information Technology and Competitive Financial Alliances. Idea Group Inc. (IGI). 2006.

**FORMATION OF A COMMON GAS MARKET
IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION:
OBJECTIVES, PROBLEMS AND PROSPECTS
IN CONSIDERATION OF THE EXPERIENCE
OF THE EUROPEAN UNION**

***Introduction.** The article is devoted to the analysis of the current state of formation of the common gas market of the EAEU. The economic integration of the EAEU countries, launched in 2014, provides for three stages in the creation of a common EAEU gas market. At the moment, the EAEU countries are at the second stage of this integration. The main objective of the second stage of the formation of a common gas market is the creation of one or more common commodity exchanges on the territory of the EAEU, where gas can be traded.*

The discussion on the creation of common commodity exchanges for the EAEU countries intensified in May 2022. Based on the results of this discussion, the Report on proposals for the formation of a common exchange market for goods within the framework of the EAEU was adopted. The Report provides for several models of vision of the common commodity market of the EAEU, proposed by different countries of the EAEU. Determining the most successful model will allow us to move on to the third stage of the formation of the EAEU common gas market.

The article analyzes the advantages and disadvantages of each of the models for building a common exchange market for goods in comparison with the experience of building a common exchange market for goods in the EU.

***Materials and methods.** The study used the normative legal acts of the law of the EAEU, previously existing acts of the EurAsEC, acts of the EU, scientific works of representatives of the legal doc-*

trine, affecting energy law, Eurasian integration and EU law. The methodological basis of the study was the following theoretical methods of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, as well as special methods of cognition of legal phenomena and processes: comparative legal and formal legal.

***Research results.** Based on the analysis of the models for building a common exchange gas market presented in the Report and the experience of the EU, it was found that the most preferable model for the future EAEU gas exchange market is a model in which the EAEU common market is formed on the basis of national commodity exchanges. With this model of a common gas exchange market, each of the participants in trading on any national commodity exchange can participate in trading on any other national exchange within the EAEU space without any restrictions. This model provides the highest level of competition among participants and national exchanges, and to a greater extent than other models contributes to the growth of the total volume of exchange trading within the EAEU space. Also, the presented model is more in line with the experience of organizing EU commodity exchanges, which should be considered as positive.*

***Discussion and conclusion.** As a result of the study, the advantages of the model for building a common exchange gas market of the EAEU were substantiated; the advantages of other models, their advantages and disadvantages, as well as the experience of the EU are analyzed in detail. The model proposed*

in the article can be chosen to build a common EAEU gas exchange market, which will be one of the main steps towards completing the formation of a common EAEU gas market.

Aziza U. Nazarova,
Postgraduate Researcher, International Law
Department, MGIMO (University) under
the Ministry for Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

евразийская интеграция, рынок газа, ЕАЭС,
товарная биржа, общий газовый рынок,
свободная конкуренция, национальная
биржа

Keywords:

Eurasian integration, gas market, EAEU,
commodity exchange, common gas market,
free competition, national exchange

References:

1. Gabov A.V., Lizikova M.S., 2022. Energeticheskoye pravo Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: formirovaniye i osnovy [Energy Law of the Eurasian Economic Union: Formation and Foundations]. *Predprinimatel'skoe pravo [Entrepreneurial Law]*. No. 2.
2. Pavlova I.N., 2015. Osnovnye aspekty formirovaniya energeticheskogo prava Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [The main aspects of the formation of the energy law of the Eurasian Economic Union]. *Energeticheskoe pravo [Energy Law]*. No. 2.
3. Mubaryakova E.A., 2019. Perspektivy razvitiya birzhevoj trgovli energoresursami v Rossijskoj Federacii: pravovye aspekty [Prospects for the development of exchange trade in energy resources in the Russian Federation: legal aspects]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes" [Entrepreneurial Law. Application "Law and Business"]*. No. 4.
4. Gagarina G.Yu., Gromyko V.V., Okrug Z.M., Saginova O.V., 2003. *Ekonomika Evropejskogo soyuza: uchebnik [Economics of the European Union: textbook]*. Moscow.
5. *Evropejskoe pravo. Otrاسli prava Evropejskogo Soyuzа i Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuzа: uchebnik [European law. Branches of the law of the European Union and the Eurasian Economic Union: textbook]*. 2021. Ed. L.M. Entin, M.L. Entin. Moscow.
6. Demchuk O., 2006. Evolyuciya i tendencii rossijskogo birzhevogo rynka [Evolution and trends of the Russian exchange market]. *Rynok Cennyh Bumag [Stocks and bonds market]*. No. 2 (28).
7. Migranyan A.A., Shavina E.V., 2019. Formirovanie obshchih rynkov elektroenergii i gaza v EAES: modeli rynkov, bar'ery i resheniya [Formation of Common Electricity and Gas Markets in the EAEU: Market Models, Barriers and Solutions]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*. No. 6 (12).
8. Yutaka, Kurihara; Sadayoshi, Takaya; Nobuyoshi, Yamori, 2006. *Global Information Technology and Competitive Financial Alliances*. Idea Group Inc. (IGI).

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имуществом, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Публичная дипломатия
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Магистерские программы двойного диплома:

Государственное и муниципальное управление

- Smart City Management (Seoul, South Korea)
- Digital Public Governance (Rome, Italy)
- Law, Digital Innovation and Sustainability (Rome, Italy)
- International Public and Business Administration (Macerata, Italy)

Политология

- GR and International Lobbying (Florence/Rome, Italy)
- Political Consulting and International Relations (Pisa, Italy)
- Russian Policies Studies (MSU, Moscow, Russia)
- Post-Soviet Public Policy (MSU, Moscow, Russia)

Международные отношения

- External Relations of Regions (Cagliari, Italy)

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,25.
Подписано в печать 26.12.2022 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 1450

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна